

ЛЕОНИД ИВАШОВ

РОССИЯ ИЛИ МОСКОВИЯ?

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ИСТОРИИ РОССИИ**

Леонид Ивашов

**Россия или Московия?
Геополитическое
измерение истории России**

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2022

УДК 327
ББК 66.4(2Рос)

Ивашов Л. Г.

Россия или Московия? Геополитическое измерение истории
России / Л. Г. Ивашов — ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2022

ISBN 978-5-6046512-7-8

Впервые труд «Россия или Московия?» был опубликован в 2002 году. Уже тогда, 20 лет назад, автором совместно с учеными-специалистами в области истории, политики и философии был представлен всесторонний анализ исторического опыта России начиная с IX в. и заканчивая нынешним временем; были сделаны прогнозы дальнейшего развития, намечены пути преодоления последствий развала 90-х: представлена геополитическая модель национальной безопасности, разработаны рекомендации и предложения по концептуальному развитию страны. Что же изменилось за эти 20 лет? Почему автор вновь возвращается к этой работе? Анализ сегодняшней геополитической ситуации в России высветил страшную картину: страна пребывает в стадии распада и самоликвидации, и если данный курс «развития» будет продолжен, то к 2029 году Россия возвратится к статусу и размеру Московии... И снова ученый предлагает свою концепцию развития: страна должна перейти на стадию «зарождения и становления», принципиально изменив свою модель. Тогда устойчивую тенденцию распада можно будет преодолеть. Автор надеется, что на этот раз его услышат... В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 327
ББК 66.4(2Рос)

ISBN 978-5-6046512-7-8

© Ивашов Л. Г., 2022

© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2022

Содержание

К читателям	7
Введение	10
Глава 1. Геополитическая история России IX–XX вв.	12
Пути российской геополитики	18
Геополитическое развитие России на сибирско-азиатском направлении	35
Геополитическая экспансия России на Кавказе в XVI–XX веках	67
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Леонид Ивашов

Россия или Московия? Геополитическое измерение истории России

© Ивашов Л., 2002

© ООО «Издательство «Аргументы недели», 2022

* * *

Автор благодарит ученых, специалистов по данной тематике, оказавших существенную помощь в работе над первым изданием книги «Россия или Московия?»:

А. С. Синайского,

доктора исторических наук, профессора;

Я. В. Волкова,

доктора политических наук, старшего научного сотрудника;

С. М. Небренчина,

доктора исторических наук, профессора;

О. А. Рыжова,

доктора философских наук, старшего научного сотрудника;

Д. Н. Филипповых,

доктора исторических наук, профессора.

К читателям

С приходом на должность президента РФ В. Путина я, базируясь на материалах своей докторской диссертации и опыте военно-дипломатической службы¹, совместно с коллегами подготовил работу, в которой с позиций геополитики был осмыслен исторический путь нашего Отечества, показаны ошибки и достижения, предложена теоретическая система обеспечения безопасности нынешней Российской Федерации. Параллельно с нами мощную работу «Теория войны» выполнил генерал-майор А. И. Владимиров. Вначале наши исследования привлекли внимание Министерства обороны и аппарата Совета безопасности, но с приходом на пост министра обороны РФ С. Иванова, а затем и А. Сердюкова, военная наука оказалась невостребованной. Она попросту была остановлена в развитии.

Уважаемый мой читатель!

8 декабря 2021 года исполнилось 30 лет со дня подписания Беловежских соглашений, по которым государство Советский Союз перестало существовать. В Беловежской Пуще (Белорусская Советская Социалистическая Республика) тайно собрались так называемые лидеры России, Беларуси и Украины – Ельцин, Шушкевич и Кравчук с узким кругом совершенно недалеких умом своих помощников. Употребив достаточное количество спиртного и отдав на всякий случай своей охране указание подготовить план бегства в Польшу, главы республик приняли решение распустить СССР. Мелковатые людишки, они совершенно не понимали, что творят, – каждый из них видел только себя, совершал поступки в угоду себе и в свое удовольствие. Для них было недостижимо – осмыслить все последствия своих подписей под наспех подготовленным документом. Но... 8 декабря 1991 года был совершен трагический акт вселенского масштаба: для народов тысячелетней большой России завершился предназначенный им путь к звездам, божественный путь. *История человечества развернулась вспять – к самым худшим ее временам. Расовая теория гитлеровского национал-фашизма обрела новое дыхание в формуле «золотого миллиарда», насаждая и расширяя до глобальных масштабов идеологию фашизма, но не националистического типа, а извращенного социал-либерального.* То есть, отвергая национализм, а с ним и нации, народы и цивилизации, был запущен

---

¹ Автор с 1992 по 1996 год являлся секретарем Совета министров оборонных государств – участников СНГ. С сентября 1996 по 2002 год – начальник Главного управления международного военного сотрудничества МО РФ.

процесс воплощения в жизнь теории социального превосходства «избранных» во всех странах мира. И все нынешние пандемии, включая COVID-19, мировые экономические кризисы, экологические катастрофы, нищенское существование миллиардов людей планеты, господствующие сегодня в либерально-фашистских кругах идеи сокращения (точнее – уничтожения) населения планеты на несколько миллиардов человек есть прямой результат Беловежского сговора трех «величайших» в российской истории идиотов и наивности народов бывшего Советского социалистического государства – цивилизации. Используя интеллектуальную тупость и мировоззренческую ограниченность Ельцина, Кравчука и примкнувшего к ним Шушкевича, их алчное стремление получить любым путем власть, либерально-фашистские теневые элиты, подчинившие своему влиянию практически весь западный мир, осуществили глобальный план изъятия ресурсов планеты и человеческого разума в личную собственность. И, к глубокому сожалению, Россия оказалась наиболее послушным инструментом в реализации этих бесчеловечных планов. Она же в лице ее населения пострадала более других стран и народов, если считать не только природные ресурсы. Мы добровольно отдали на уничтожение великую и славную историю собирания земель, народов, их разнообразную культуру, духовные ценности, развитую систему жизнеобеспечения человека, созданную коллективным разумом, трудом и жертвенными победами предков, гуманный равновесный миропорядок и перспективы развития для всего человечества. И мы, прежде всего русский народ, повинны в том, что сегодня человечество уверенно движется к своему самоуничтожению.

Причину уничтожения СССР, а с ним и трехполюсного (трехвариантного) миропорядка (мир капитализма, мир социализма, третий мир), апологеты – ельциноиды и по сей день объясняют тем, что нужно было освободиться от «недоразвитых» окраин, пожирающих российские ресурсы и объедающих русский народ. Ветеранам и сегодня памятни лозунги, вброшенные либералами всех мастей и национальностей: хватит кормить Кавказ, хватит кормить азиатов, хватит кормить русских бездельников и т. д. А затем то же самое про КПСС, армию, КГБ, МВД и пр.

Народ, в том числе и автор, воспрял после воссоединения Крыма с Россией. Казалось (или почудилось), что наступило во властных кругах прозрение и возвращен исторический процесс собирания народов и земель, «вытащивший» Россию после Второй мировой войны на первую ступеньку в мировой иерархии (если считать не по денежным запасам, среднестатистическим доходам и ложным ВВП, а по уровню развития человеческой личности, вкладу в мировую культуру, науку, космические технологии и т. д.). Но увы! На поверку оказалось, что сущность политики российского олигархического режима не изменилась: режим из Крымской весны извлек свои корпоративные политические и экономические выгоды, а мировой капитал – свои. На том и сошлись.

И еще печальный факт: в ноябре 2021 года Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Туркменистан окончательно ушли от России, став членами Организации (Союза) тюркских государств, в котором ведущую роль играет президент Турции Р. Т. Эрдоган. Обсуждается и формирование армии Турана. Активная работа проводится среди российских татар, башкир, якутов, крымчаков и других тюрков, а Оренбург ускоренно заселяется азербайджанцами и казахами. Есть опасение, что в ближайшем будущем здесь могут осесть около пяти миллионов мигрантов из Средней Азии... «для восполнения убыли русского населения». *То есть вновь остро встает вопрос: Россия или Московия?*

Согласно данным «Википедии» на июнь 2021 года официально *признали право РФ на Крым 8 не самых крупных государств из 193 членов ООН*: Венесуэла, Куба, Никарагуа, КНДР, Сирия, Судан, Палестина и Афганистан – что означает всеобщее международное признание полуострова территорией Украины, а территориальные воды – украинскими. То есть Россия не получила международного признания присоединения Крыма в 2014 году. Ни один из членов СНГ и ОДКБ не признал Крым российским, что показывает реальность

«союзнических» отношений на постсоветском пространстве, и это результат избавления России от «нахлебников» – союзных республик и стран соцлагеря. Более того, все так называемые нахлебники планомерно становятся противниками Российской Федерации, вступают в военные антироссийские альянсы (НАТО, армия Турана). Даже нынешний Казахстан реабилитирует и героизирует казахов, воевавших на стороне Гитлера, переписывает свою историю в антироссийском духе, заменяет российских военных инструкторов натовскими и турецкими специалистами. Опять же, как на Украине.

Естественно, НАТО как самый мощный военный союз однозначно выступает на стороне Украины. На Совете Альянса в июне 2021 года главы государств и правительств НАТО (включая президента США Дж. Байдена) подтвердили позицию по вопросу Крыма: поддержали Украину и даже пообещали принять ее (и Грузию) в члены Альянса и защищать ее суверенитет и территориальную целостность, а Россию официально «повысили» до статуса главной угрозы безопасности странам НАТО, о чем Дж. Байден и сообщил В. Путину в ходе встречи 16 июня 2021 года. Плюс наращивание санкционного давления и демонстрация готовности применить военную силу. Даже в 1941 году ситуация не была столь тревожной. «Радует» лишь заявление главы Роскосмоса, журналиста по образованию, о готовности построить атомную станцию на Марсе да подписание на днях соглашения о сотрудничестве в космосе с Суданом, беднейшим государством Африки.

Все вышеизложенное говорит не только о системном кризисе внутри России и отсутствии единой системы управления политическими и социальными процессами в стране, но и о провале внешней политики РФ. Можно сколь угодно твердить о полном враждебном окружении и происках внешних сил, но реалии таковы, что проблемы безопасности и сохранения государственности сегодня находятся под большим вопросом.

2 июля 2021 года президент РФ подписал Указ об утверждении новой «Стратегии национальной безопасности». Кинулся читать в надежде, что будет предложен глубокий анализ критической ситуации в сфере безопасности (внутренней и внешней), будут сделаны объективные выводы и поставлены конкретные стратегические задачи по немедленному исправлению создавшейся ситуации. Но увы! Документ размером в 43 страницы плотного текста *повествует*, что все у нас в системе безопасности не просто хорошо, но даже здорово, только немного мешают внешние и внутренние враги да появляются новые вызовы и угрозы. И далее следуют не постановка стратегических задач конкретным государственным структурам и частному сектору экономики, а некие (пусть и благие, но безадресные) размышления и пожелания. Прослужив 40 лет на командно-штабных должностях, не помню, чтобы довелось читать подобные «стратегии».

Нынешняя тревожная ситуация внутри и вокруг РФ вынуждает вернуться к проблеме безопасности, что я и делаю, представляя на Ваш суд свою новую работу.

Введение

В последние годы в отечественной науке складывается относительно новое и перспективное направление исследований на стыке истории, теории геополитики и теории национальной безопасности. Геополитические факторы, хотя и не являются элементом системы национальной безопасности РФ, обеспечивают ей качественную определенность в зависимости от пространственного положения Российского государства и характера его взаимодействия с внешней средой. Связь геополитики и национальной безопасности прослеживается также через категорию геополитического пространства, которое определяется как совокупность районов, зон и сфер, на которые распространяются национальные интересы государства, и где, исходя из его совокупной национальной мощи и сложившегося баланса сил, имеются реальные и потенциальные возможности по реализации этих интересов. Автор раскрывает эти проблемы в своих научно-публицистических трудах, главный из которых «Геополитика русской цивилизации»², а также в работах «Утраченный разум»³, «Мир на изломе истории»⁴, «Человечество: мировые войны и пандемии»⁵, «Геополитическая драма России»⁶ и других.

Однако до настоящего времени в отечественной науке не проводилось комплексных исследований системы национальной безопасности Российской Федерации с учетом влияния геополитических факторов, основных закономерностей геополитического развития России, характера и особенностей современных геополитических процессов.

В данном труде предпринята попытка провести комплексное историко-политологическое исследование закономерностей геополитического развития России и особенностей формирования системы национальной безопасности РФ, ее концептуального отражения и практической реализации, и на основе полученных результатов выработать практические рекомендации по содержанию концепции национальной безопасности РФ, военной доктрины и приоритетным направлениям стратегии реализации национальных интересов.

Основными целями и задачами исследования автор ставил:

- раскрытие методологических и концептуальных основ системных исследований в области теории геополитики и национальной безопасности;
- исследование закономерностей геополитического развития России в период с IX века по настоящее время;
- выявление особенностей функционирования системы национальной безопасности Российской Федерации, роли и места военно-технической структуры в обеспечении национальной безопасности РФ;
- анализ глобальной геополитической обстановки в мире на рубеже XX и XXI веков;
- рассмотрение геополитических основ региональных конфликтов, обоснование национальных интересов и приоритетных направлений политики России в отношении отдельных регионов;
- разработку геополитической модели национальной безопасности России и выработку рекомендаций и предложений в разрабатываемые концептуальные, доктринальные и уставные документы по военному строительству в Российской Федерации.

Временные параметры исследования включают период геополитического развития России с IX века по настоящее время.

---

² Ивашов Л. Г. Геополитика русской цивилизации. М.: Аргументы недели, 2020.

³ Ивашов Л. Г. Утраченный разум. М.: Аргументы недели, 2021.

⁴ Ивашов Л. Г. Мир на изломе истории. Хроники геополитических сражений. М.: Книжный мир, 2018.

⁵ Ивашов Л. Г. Человечество: мировые войны и пандемии. М.: Книжный мир, 2020.

⁶ Ивашов Л. Г. Геополитическая драма России. М.: Аргументы недели, 2021.

Пространственно-географические рамки охватывают территорию России и сопредельных государств, наиболее значимые для России геополитические регионы, компоненты российского геополитического пространства: политическое, экономическое, информационное, демографическое, культурное, военно-стратегическое и др.

Военно-стратегические контуры исследования включают анализ национальных интересов России в военной сфере, роли военных средств и силовых структур в обеспечении национальной безопасности, характера военных угроз и опасностей, определение оптимальных путей военного строительства. И конечно, в центре исследования я пытался «увидеть» будущее России. Вывод я вынес в название книги, так как сегодня действительно остро стоит вопрос о сохранении сущности и территориальной целостности России, хотя бы в существующих размерах. *Если же мы не изменим своего нынешнего курса «развития», то неизбежно превратимся в Московию.*

Глава 1. Геополитическая история России IX–XX вв.

Слава нации состоит в том, чтобы соразмерить цели, которых она добивается, с ее интересами и ее силами, средства с целями, а энергию – с ними обеими.

Лорд Болингброк, британский философ

Обращение к анализу геополитической истории России в современных условиях видится весьма логичным в рамках общей тенденции к актуализации междисциплинарных исследований. Получение научных результатов на стыке теории геополитики и истории позволит найти адекватное решение геополитических проблем, с которыми наша страна сталкивается сегодня, определить наиболее эффективные пути развития стран и народов в нынешнем тысячелетии.

Связь между геополитикой и историей отмечается многими авторами. (Мне, как автору этой работы, близка формула: «геополитика мыслит категориями исторических эпох, мировых цивилизаций и планетарных пространств».) При этом их подходы к выделению области взаимодействия могут существенно различаться. Традиционно отношение геополитики и истории принято рассматривать через призму деления исторического процесса на геополитические эпохи.

Историю человечества с точки зрения геополитики можно рассматривать как последовательную смену геополитических эпох или силовых полей, а само деление на геополитические эпохи обычно строится на основе вычленения характерных особенностей формирования баланса сил, зон влияния, границ и т. д. В приводимом делении истории на геополитические эпохи отмечается, что принципы современной геополитической картины мира были заложены в *Вестфальскую эпоху* в 1648 году после окончания Тридцатилетней войны, когда в Европе окончательно утвердились национальные государства, а национальные границы устанавливались по естественно-географическим рубежам и с учетом языкового признака. Новую расстановку геополитических сил дала *Венская эпоха* (с 1815 года), основу которой составлял имперский принцип контроля географического пространства.

Вестфальский мир 1648 года

Территориальные изменения после Вестфальского мира 1648 г.

1. Франция получила Эльзас и Лотарингию;

2. Швеция – земли на Балтике;
3. Европейские страны признали независимость Голландии от Испании;
4. Сохранение в Германии политической раздробленности;
5. Утвердил принцип: «Чья земля, того и вера».

Версальская эпоха (с 1919 года) ознаменовала собой крушение некоторых империй, ранее выступавших мощными политическими центрами, и перераспределение баланса сил в пользу Англии, США и Франции. В *Потсдамскую эпоху* (с 1945 года) был зафиксирован новый баланс сил, возникший в Европе после победы над Германией и ее союзниками, и фактически установилось биполярное мироустройство. В последнее время принято также выделять еще одну геополитическую эпоху – *Беловежскую* (с 1992 года), ознаменовавшую крушение биполярного мира и начало формирования нового мирового порядка⁷. И здесь встает вопрос: а есть ли это обстоятельство (крушение биполярности) шагом вперед в развитии человечества или же это разворот в обратную от прогресса сторону, т. е. отступление в рамках исторического процесса? Однозначного ответа пока исследователями не найдено, однако у автора есть убежденность, основанная на геополитических закономерностях, что следующим шагом в развитии человечества должна быть многополярность, где полюсами мира должны стать мировые этнокультурные цивилизации – культурно-исторические типы (по Н. Я. Данилевскому).

⁷ Подробнее см.: *Нартов Н. А. Геополитика: Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ, 1999. С. 17–21. Ивашов Л. Г. Геополитика русской цивилизации. М.: Аргументы недели, 2020.*

Версальская система

ГЕРМАНИЯ

- уступила часть территории Франции (Эльзас и Лотарингию), Польше и Дании;
- утратила суверенитет над Сааром и Рейнской зоной;
- лишилась колоний в Африке (поделены Великобританией, Францией и Бельгией) и Тихом океане (поделены Великобританией и Японией);
- обязалась платить репарации;
- признала ограничение численности своих армии и вооружений;

ТУРЦИЯ лишилась своих арабских провинций (поделены Великобританией и Францией) и части Фракии (отошла Греции).

Подход к соотношению геополитики и истории рассматривает геополитическое развитие как процесс освоения ресурсов и выделяет два типа геополитической эволюции в современном мире. В классической геополитике обычно рассматривался экстенсивный вариант развития, связанный с наращиванием субъектом своего потенциала путем территориальных присоединений и обеспечиваемого таким образом количественного роста ресурсов. Интенсивные методы геополитической эволюции предполагают качественное совершенствование имеющихся ресурсов, их развитие и приумножение на собственной основе без пополнения их за счет механического присоединения ресурсов иных геополитических субъектов. В целом же, исходя из вышеизложенного, можно с полным основанием вести речь о *геополитической истории государства*⁸.

Если рассматривать геополитику как часть философии истории, то на ее долю выпадают все сферы исторической случайности, поскольку именно география и политика вносят в исторический процесс случайность: география – потому что все ее законы носят совершенно иной характер, нежели законы человеческих отношений, политика – потому что она является предельным выражением субъективного произвола в этих отношениях. Следовательно, *геополитика стремится стать позитивной и естественно-научной основой осмысления исторического процесса*⁹.

⁸ См.: Модестов С.А. Уроки геополитической истории России // Независимое военное обозрение. 1997. № 44.

⁹ См.: Тихомиров Ю. В. Геополитика. М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1998. С. 23–24.

Автор предлагаемого труда исходит из понимания того обстоятельства, что на стыке геополитических и исторических исследований формируется особое научное направление – *геоистория*, которая в качестве компонента фундаментальной геополитики рассматривает развитие государств, их пространственно-силовое взаимодействие в исторической ретроспективе и особенности построения геополитического пространства в интересах выявления *геополитических закономерностей* и более точной интерпретации национальных интересов с учетом исторической преемственности, без которой немыслима серьезная политическая стратегия всякого государства. И опять же с исторической точки зрения встает очередной вопрос: а собирание племен, народов и земель, поднятие их образования и культуры до «русского» уровня, стремление государей и генсеков к формированию многонациональной империи (выражение Петра I) и союз советских народов (послереволюционное определение 1917 г.) было исторической ошибкой или же шагом вперед к переходу к полицивилизационному миропорядку (Н. Я. Данилевский, Ф. Бродель, С. Хантингтон)? И по сей день в либеральных и властных кругах России первый президент РФ Б. Ельцин представляется «национальным героем», избавившим Россию от нахлебничества «союзных республик». Первый премьер-министр правительства «независимой» России Иван Силаев в июне 1990 года докладывал президенту Ельцину, что в течение всех лет существования СССР Российская Федерация выплачивала союзным республикам (с 1940 года и Прибалтийским республикам) по 46 млрд рублей ежегодно¹⁰. Вспоминает об этом вопросе и председатель Совета Министров РСФСР (1971-1983) М. С. Соломенцев: «Когда Брежнев рекомендовал меня на должность предсовмина РСФСР, я поставил лишь одно условие: перестать затюкивать Россию... отраслевые отделы ЦК и союзное правительство напрямую командуют российскими регионами и конкретными предприятиями, руководствуясь больше интересами союзных республик, оставляя России лишь крохи с общесоюзного стола»¹¹. Эти перегибы действительно были, но вместо решения чисто организационных вопросов принимается решение о роспуске тысячелетнего государства. Но в результате «развода» и избавления от «нахлебников» никто не был осчастливлен, и в первую очередь – россияне.

---

¹⁰ «Независимая газета», 12 июня 1992.

¹¹ «Известия», 20 октября 2010.

В рамках заявленного подхода геополитическая история России рассматривается как процесс формирования ее геополитического пространства по нескольким направлениям: европейскому, сибирско-среднеазиатскому, кавказскому. Отдельно рассматриваются вопросы геополитики и безопасности России в советский период. И все же попытаемся подступиться к ответу на вопрос: стоило ли более тысячи лет собирать «камни», чтобы в 1991-м их стремительно разбросать? В мыслях же будем держать фразу Н. Я. Данилевского из его выдающегося труда «Россия и Европа» (1869) о том, что «культурно-исторический тип тем мощнее и богаче во всех отношениях, чем больше этносов он в себя включает».

И отметим еще один важный момент в развитии российской государственности и геополитической практики собирания земель и народов. Макиавелли писал, что существует всего лишь два способа удержать завоеванные страны: «включить их в состав метрополии и держать там войска или же превратить эти земли в колонии». Макиавелли отдавал предпочтение второму варианту – колониям. «Колонии, – писал он, – не требуют больших издержек, устройство и содержание их почти ничего не стоит государю... Римляне, завоеывая страну, соблюдали все названные правила: учреждали колонии, покровительствовали слабым, не давая им, однако, войти в силу; обуздывали сильных и принимали меры к тому, чтобы в страну не проникло влияние могущественных чужеземцев»¹². Собрание земель и народов на территории будущей Российской империи и СССР шло иным путем, о чем расскажем ниже на страницах этой книги. Просим уважаемого читателя поразмышлять над феноменом Касимовского царства, спроецировав его на Советский Союз 1990 года: неужели не было иного решения, кроме расформирования (развала) государственности?

¹² Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. М.: АСТ, 2004. С. 62–64.

Беловежская Пуща 8 декабря 1991 г.

Пути российской геополитики

Адекватное понимание геополитических задач современной России, как и любого крупного государственного образования, может быть достигнуто только в ключе их исторического развития. О национальной геополитике можно говорить с момента образования русского государства, неотъемлемыми свойствами которого были и интеграция, и экспансия как меридиональная, так и широтная. Тогда же определились и основные геополитические лучи, спектр которых в ходе тысячелетнего развития государственности заметно расширился. Объективно можно выделить такие лучи геополитических интересов, как:

- 1) южный (Крым, Донбасс, Кавказ, Иран);
- 2) юго-западный (Карпаты, Балканы);
- 3) северо-западный (Прибалтика, Скандинавия, Англия, Голландия);
- 4) северный (Финляндия, Белое море);
- 5) северо-восточный (Северный Урал, Новая Земля, Таймыр);
- 6) восточный (Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Аляска);
- 7) западный (Польша, Чехия, Венгрия, Германия, Франция);
- 8) юго-восточный (Средняя Азия, Афганистан, Индия).

Само развитие русской практической геополитики было тесно связано с целым рядом внутренних и внешних факторов, как то: состояние централизации государства, уровень его культурного и экономического потенциала, наличие внешней угрозы, династические, экономические и культурные интересы, очевидная слабость соседних государственных и общественных образований и т. п. Такая объективная зависимость позволяет выделить следующие хронологические этапы русской геополитической активности:

- 1) 2-я четверть IX – середина XI в.;
- 2) середина XI – середина XIII в.;
- 3) середина XIII – последняя четверть XV в.;
- 4) последняя четверть XV – конец XVII в.;
- 5) конец XVII – начало XX в.;
- 6) 1917-1991 гг.;
- 7) конец XX столетия.

В соответствии с веками российской истории первый период можно условно именовать Киевско-Новгородским, второй – Киевско-Владимирским, третий – Владимиро-Московским, четвертый – Московским, пятый – Петербургским, шестой – советским, седьмой – постсоветским. Каждый из этапов геополитической активности ставил свои приоритеты в направлении геополитической интеграции или экспансии.

Меридиональные интеграция и экспансия (по оси север – юг) стали наиболее ранними, спровоцировав появление южного, юго-западного и северо-западного геополитических лучей. Это было обусловлено самим фактором образования Русского государства на торговом пути «из варяг в греки».

Проследить направление геополитических интересов ранней (доолеговой) Руси дает возможность уже первое упоминание о Русском каганате на страницах «Бертинских анналов» 839 г.¹³, в сопоставлении с сообщением Константина Багрянородного о строительстве на нижнем Дону хазарского Саркела¹⁴, явно ориентированного на защиту от угрозы, исходящей от

---

¹³ Сборник документов по истории СССР / Под ред. В. В. Мавродина. М., 1970. IX – XIII вв. С. 35.

¹⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 171–173.

Русского каганата, и данными о набеге 840 г. русов на Амастриду (на северном побережье Малой Азии)¹⁵.

Хазарский каганат в X в.

Все это отчетливо демонстрирует зарождение русского южного геополитического луча. Обладавшему большим политическим и экономическим потенциалом Хазарскому каганату, видимо, удалось к 859 году подчинить Южную Русь. Об этом свидетельствуют данные археологических раскопок того же Саркела, показавшие, что город утратил свою функцию крепости как раз к 859 году и что в нем стала проживать группа славян¹⁶.

Под 859 годом русские летописи отмечают сбор дани хазарами с полян, северян и вятичей¹⁷.

Таким образом, геополитическая активность Руси в южном направлении была на время приостановлена. Меридиональная экспансия под хазарским давлением приняла юго-западное направление. Поход 860 г. киевского князя Аскольда на Константинополь и стал одной из первых акций (после посольства 838 г.) Руси вдоль юго-западного геополитического луча. Однако данная очевидная экспансия неожиданно вылилась в религиозную интеграцию верхушки русов с державой Ромеев, получив в истории наименование Первого крещения Руси¹⁸.

¹⁵ Василевский В. Г. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Труды. III. СПб., 1915. I – CXLI.

¹⁶ Плетнева С. А. Хазары. М., 1986. С. 53.

¹⁷ ПСРЛ. Т.I. Стб. 19; ПСРЛ. Т.II. Стб. 14.

¹⁸ Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. I. М., 1994. С. 196.

Дальнейший отказ Руси от религиозного единства напрямую связан с важнейшим проявлением долготной экспансии внутри восточнославянских земель – захватом около 882 г. Киева новгородским князем Олегом. Соединение севера и юга Руси, «Славии» и «Куявии» Русского каганата, положило начало Киевской Руси.

В. М. Клыков. Князь Святослав

Овладев Киевом, Олег, а затем и Игорь под хазарским давлением вынуждены были унаследовать экспансионистскую дохристианскую политику Аскольда в отношении Константинополя (походы 907, 941, 944 гг.). Но одновременно получил развитие и процесс выхода Руси из сферы геополитического влияния Хазарии, начатый подчинением Киеву хазарских данников: северян, радимичей и вятичей в 883-885 гг.¹⁹, продолженный в 939-940 гг. походом русов в Крым²⁰ и законченный разгромом в 963-968 гг. Хазарии дружинами Святослава Игоревича в союзе с печенегами и гузами²¹.

К этому же времени относится первое проявление широтной экспансии Руси вдоль восточного геополитического луча – штурм и разграбление около 965 г. Святославом столицы волжских булгар (вассалов Хазарского каганата)²².

Уничтожение Хазарии восстановило южный геополитический луч Руси. Главнейшим проявлением южной геополитической стратегии X – XI вв. стало создание Тмутараканского княжества (Тмутаракань, Корчев), контролировавшего Приазовье и часть Северного Причерноморья, что позволяло вести Руси активную политику в этом регионе. Серьезное влияние на южный геополитический луч оказывали взаимоотношения Руси с печенегами, союз (940-965) с которыми перешел в противостояние 968-1036 гг., закончившееся их разгромом под Киевом (1036 год), что позволило Руси, пусть и на короткий срок, полностью овладеть ситуацией в южнорусских степях.

Политика Святослава в отношении Византии в 967-971 гг. явилась одним из последних проявлений языческой экспансионистской линии первых киевских великих князей. В то

---

¹⁹ ПСРЛ. Т.I. Стб. 24.

²⁰ *Коковцев П. К.* Еврейско-хазарская переписка // *Открытие Хазарии* / Сост. И общ. Ред. А. И. Куркчи. М., 1996. С. 615.

²¹ *Вернадский Г. В.* Киевская Русь. Тверь – Москва, 1996. С. 52–55.

²² *Вернадский Г. В.* Киевская Русь. Тверь – Москва, 1996. С. 53.

же время походы Святослава стали серьезной попыткой утвердить русское влияние на Дунае. Менее чем через 20 лет меридиональная экспансия Руси на юго-западе обернулось религиозной и культурной интеграцией в Византийское содружество²³.

Видную роль в подготовке интеграционного процесса сыграла деятельность великой княгини Ольги. Начало же интеграции было положено Вторым крещением Руси 988-990 гг. при внуке княгини Ольги Владимире Святom. Русский юго-западный геополитический луч стал и византийским северо-восточным лучом. Религиозное и культурное воздействие Византии, а также формально более высокое иерархическое положение ромейского василевса относительно русских великих князей компенсировалось полной политической независимостью Руси от Константинополя. Византия стала для Руси своеобразным идеологическим центром, передавшим ей принципы идеократической государственности.

Русский Север, сыгравший консолидирующую роль в образовании Киевской Руси, являлся важнейшим центром северо-западного геополитического луча. Как показали археологические раскопки середины 1990-х под руководством Е. А. Рябина, древнейший из городов Русского Севера – Старая Ладога – уже в начале IX века был ведущим торгово-ремесленным центром Балтики²⁴. Геополитические интересы Руси в регионе нашли определенное отражение в призвании варяга Рюрика (около 860-862 гг.), бывшего, по одной из версий, Рериком Ютландским из Датской династии Скьёльдунгов²⁵.

Главнейшими территориями геополитических интересов Древней Руси на северо-западе были Юго-Восточная Швеция, Южная Норвегия (вплоть до середины XI в.) и восточные эстонские (чудские) земли (до 1224 года). В этом направлении происходило привлечение на русскую службу варяжских дружин, принимавших деятельное участие во всех внешних и внутренних войнах IX – 1-й половины XI столетия заключались матримониальные союзы (браки Рюрика, Владимира Святого, Ярослава Мудрого). Реализацией геополитической стратегии в северо-западном направлении стало и основание в 1030 году города Юрьева – русского форпоста в Эстонии²⁶.

---

²³ Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 196.

²⁴ Чернов А. В России еще есть те, кто глубоко копает // Новая газета. 1997. № 40(460). 6-12 октября.

²⁵ Древняя Русь. Тверь – Москва, 1996. С. 341.

²⁶ Вернадский Г. В. Киевская Русь. Тверь – Москва, 1996. С. 89.

Святая равноапостольная княгиня Ольга

С середины XI века начинает усиливаться широтная геополитическая активность Руси. Укрепляется западный геополитический луч, возникновение которого относится к концу X века. Русские походы в Польшу 1041, 1043 и 1047 гг. стали первыми яркими проявлениями русско-польского политического и династического союза (1040-1073 гг.). Острое соперничество между разными ветвями Рюриковичей послужило одной из серьезных причин геополитической интеграции в виде установления матримониальных и политических союзов с Западом в 1070-1240 гг. Так возникли: союз Святослава Черниговского с германским королем Генрихом VI (около 1070-1075 гг.), союз Всеволода Переяславского с маркграфами саксонскими (1080-е гг.), союз черниговских Ольговичей с Польшей (1140-е гг.), союзы волынских Мономашичей с венгерскими Арпадами (1139-1170 гг.) и польскими Пястами (около 1152-1204 гг.), союз черниговских Ольговичей с Венгрией (1230-1240 гг.). Другой причиной военной интеграции стала угроза внешней экспансии. Таковы были союзы Владимира Галицкого с Германией и Польшей (1189-1190 гг.) и Даниила Романовича Волынского с малопольскими и мазовецкими князьями (1220-1230 гг.) против Венгрии. Во второй половине XII века функционировала

волинско-чешско-германо-венгерская коалиция против Византии²⁷. Важнейшими проявлениями русской экспансии вдоль западного геополитического луча стали походы Романа Мстиславовича Волынского и Галицкого в Польшу (1195, 1204, 1205 гг.), связанные как с попыткой подчинения Люблинской области, так и с оказанием помощи гибеллинской партии германского короля Фридриха Швабского²⁸.

Владимир Всеволодович мономах (1053-1125)

- Супруги: Гита Уэссекская, Ефимия
- Отец и мать: Всеволод Ярославич и Мономахиня
- Дети: Мстислав Великий, Изяслав, Святослав, Роман, Ярополк, Вячеслав, Юрий Долгорукий, Андрей Добрый, Мария, Евдоксия

Владимир Всеволодович Мономах родился 26 мая 1052 г. Он был сыном Всеволода Ярославича и Анны, дочери императора Византии, Константина IX. С 1067 г. княжил в Смоленске, а с 1078-го в Чернигове. Позднее, до 1125 г, был Великим Киевским князем. Впрочем, известен этот талантливый правитель и как писатель, оставивший после себя литературные труды, дошедшие и до нашей эпохи

Геополитика Руси в восточном направлении была связана с Волжской Булгарией. Весь XII век и 1-я четверть XIII века отмечены военными столкновениями ростово-суздальских князей с булгарами (1107, 1120, 1152, 1164, 1172, 1184, 1186, 1217, 1220 гг.)²⁹, что свидетельствует об их остром геополитическом соперничестве в регионе. Важным проявлением геополитической экспансии в направлении восточного луча стало основание в 1221 году русского форпоста на Средней Волге – Нижнего Новгорода, что послужило причиной дальнейших военных конфликтов с мордовскими племенами (1226-1232 гг.). Булгарская угроза была серьезным препятствием для развития восточного геополитического луча Руси. Кроме строительства крепостей (Суздаль, Владимир, Москва, Кидекша) русские князья вынуждены были в целях борьбы с Булгарией заключить в 1107 году союз с половецкими ханами, подкрепленный матримониальными отношениями (брак Юрия Долгорукова с дочерью хана Аепы).

---

²⁷ Бибииков М. В. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М., 1998. С. 137–138.

²⁸ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Сост. и общ. Ред. А. И. Курочки. Кн. 2. М., 1997. С. 47–48.

²⁹ ПСРЛ. Л. XXIV. С. 73–77. ПСРЛ. Т. I. Стб. 292, 352–353, 364, 389, 400, 444.

Половцы, вытеснившие из южнорусских степей печенегов и торков, уже к концу XI века представляли очень серьезную силу. Их стратегическая важность была в полной мере оценена Византией, использовавшей половецкие орды Тугоркана и Боняка как для разгрома печенегов³⁰, так и для сдерживания геополитической активности Руси³¹. Половецкая угроза значительно ослабила русскую экспансию в южном направлении. Баланс сил был несколько восстановлен в первой четверти XII века после разгрома Лукоморской (Урусобичей) и Донской (Шаруканидов) половецких орд в результате походов 1103-1111 гг. Владимира Мономаха и Святополка Изяславовича. В итоге половцы более чем на 30 лет утратили стратегическую инициативу³². В то же время утрата Русью Белой Вежи (Саркела) и Приазовья с Тмутараканью в 1116-1117 гг. нанесла непоправимый урон русской геополитике в данном регионе. Хотя военные конфликты продолжаются, но экспансию постепенно сменяет интеграция: политическая, династическая и религиозная. Половцы все чаще не просто нападают на Русь, а участвуют в русских междоусобицах как союзники тех или иных династий. Особенно прочные союзные отношения складываются с донской группировкой половцев у черниговских Ольговичей. Часть половецких ханов и беков начинают принимать крещение (особенно с начала XIII века), а на половецких князьях женятся русские князья. Интеграционные процессы позволяли Руси уже в 1-й четверти XIII века рассматривать половцев как неотъемлемых союзников, что привело к столкновению русских войск с монголами в 1223 году на реке Калке.

В середине XI века развитие русской (новгородской) экспансии в направлении северного геополитического луча приводит к подчинению территории угро-финских племен от Белозера до реки Печоры (Заволочье). Позднее новгородцы проникают в район Кольского полуострова (в XII в.). К концу XII века относится начало новгородской экспансии вдоль северо-восточного геополитического луча – в Югру (ханты-мансийские земли к востоку от реки Печоры).

Русская экспансия в направлении северо-западного геополитического луча с начала XII века все больше концентрируется в восточной части Прибалтики. Разыгрывается война полоцких князей в Земгалии (1106). Князь Новгородский Мстислав Великий совершает поход на Чудь и берет штурмом Оденпе (Медвежью Голову) в 1116 году³³. Важное значение для русской геополитической экспансии на севере и северо-западе имел разгром новгородцами Або (1198)³⁴. Проходили в северо-западном направлении и интеграционные процессы. Закладывались основы матримониальных союзов. Существуют данные о таких контактах Руси с Вендской державой ободритов в 1120-е годы (брак Кнуда Лаварда) и о союзных отношениях с князьями Польского Поморья полоцко-друцких и галицко-волинских князей (1217, 1228)³⁵. В начале XIII века русская политика в Прибалтике столкнулась с острым соперничеством германских экспансионистских устремлений. За основанием Риги (1201) и ордена меченосцев (1202) последовало вытеснение Руси из бассейна Западной Двины (Кукейнос, Герсика) в 1207-1209 гг. и с территории Восточной Эстонии (Юрьев) в 1224 году³⁶. Однако попытка захвата германскими крестоносцами части Северо-Западной Руси (Псков, Изборск) в 1240-1242 гг. была отражена дружинами Александра Ярославовича Невского.

³⁰ Анна Комнина. Алексиада. СПб., 1996. С. 233–239.

³¹ Плетнева С. А. Половцы. М., 1990. С. 57.

³² Плетнева С. А. Половцы. М., 1990. С. 95.

³³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 284.

³⁴ Кочуркина С. И. Корела и Русь. Л., 1986. С. 107–108.

³⁵ Татищев В. Н. История российская. М.Л., 1964. Т. 3. С. 201–202.

³⁶ Вернадский Г. В. Киевская Русь. Тверь – Москва, 1996. С. 254–256.

Половцы и русь

- Во **2 пол. XI в.** половцы начинают совершать регулярные нападения на Русь.
- **1068 г.** – разгром русских войск на р. Альте.
- **1093 г.** – разгром русских войск на р. Стугне.
- **1103–1119 гг.** – удачные походы русских войск против половцев.
- **1103 г.** – победа русских войск над половцами на р. Сутени.
- Под ударами русских войск часть половцев перекочевала в Предкавказье.
- В **60-70 гг. XII в.** на Дону возникает объединение половцев под властью хана Кончака, которое совершает нападение на Русь.
- **1183–1185 гг.** – удачные походы на половцев князя Святослава Киевского.
- **Конец XII – начало XIII вв.** – налаживание дипломатических, торговых, культурных связей между половцами и Русью.

В XI – XIII вв. получил дальнейшее развитие юго-западный геополитический луч. Видимо, утверждение своего влияния на Нижнем Дунае и было одной из целей русского похода на Царьград в 1043 году³⁷. Попытки установить контроль над важнейшими центрами Нижнего Подунавья предпринимали Владимир Мономах (1116) и, позднее, галицкие князья

---

³⁷ Перхавко В. Б. Связи Древней Руси со славянскими странами. М., 1987. С 26.

(1145-1187). Для этой цели в 1164-1165 годах был заключен галицко-венгерско-половецкий антивизантийский союз³⁸. В то же время наблюдаются процессы военной интеграции с Византией киевско-смоленских и галицких князей против венгерской угрозы (1165-1169) и Романа Галицко-Волынского против половцев (1199-1205), скрепленной матримониальными узами³⁹. После образования в 1185 году Второго Болгарского царства у него устанавливаются прочные отношения с Русью. Русские войска участвуют в осаде царем Коломяном Солуни (1207) и в восстановлении на престоле царя Ивана Асеня II (1218). Сохранились сведения о контактах Руси в XII – XIII вв. с сербскими и хорватскими землями (брак бана Белуша, 1150 г.). В середине XII века устанавливается направленный против Византии волыньско-сербско-венгерско-сицилийский союз⁴⁰.

С середины XIII века начинается принципиально новый этап русской геополитики, характеризующийся сильнейшим влиянием Монгольской империи. Широкий спектр геополитических интересов Руси X – XIII вв. был заметно сужен после установления монгольского владычества, из-за чего самостоятельное развитие доордынской «Великой Замятни» получили фактически только три направления: северо-западное, северное и северо-восточное. Реализовывались эти геополитические лучи главным образом силами Новгородской земли. Участие в политических акциях Орды рассматривалось на Руси как крайне нежелательное, но вынужденное явление, позволяющее, по крайней мере, *использовать авторитет и потенциал монголов против военной и конфессиональной экспансии с Запада. На реализацию этой идеи и была направлена деятельность великого князя Александра Невского.*

С его именем связаны и отражение шведско-германской геополитической экспансии 1240-1242 гг. с северо-западного направления, и развитие северного геополитического луча – поход 1255–1256 гг. в Финляндию. В это же время великий князь Даниил Романович Галицкий и Юго-Западная Русь сделали ставку на Запад, пытаясь найти там союзников в борьбе с Ордынским государством. *Время подтвердило правильность выбора Северо-Восточной Руси, сохранившей основы идеократической государственности, что позволило ей позднее стать независимым и сильным Московским царством, тогда как Юго-Западная и Южная Русь утратили национальные основы государственности, превратившись в составную часть Польско-Литовского государства.*

³⁸ Бибииков М. В. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М., 1998. С. 133.

³⁹ Бибииков М. В. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М., 1998. С. 66, 135-136; Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990. С. 137, 139.

⁴⁰ Перхавко В. Б. Связи Древней Руси со славянскими странами. С. 29; История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 327.

В первые десятилетия XVI века русская геополитическая активность вдоль северного геополитического луча заметно выросла, что выразилось в разрушении шведской крепости Ландскроны в устье Невы (1301) и присоединении Восточной Карелии (1301-1310 гг.) в ответ на завоевание шведами (1293) ее западной части, в русских походах в Центральную и Южную Финляндию (1311, 1318) и к Выборгу (1322)⁴¹. Стратегически важные позиции Руси в устье Невы были подтверждены Ореховецким договором (1323) со Швецией и оставались незыблемыми вплоть до начала XVII столетия.

Консолидация литовских племен привела к появлению в середине XIII века на северо-западных рубежах Руси нового государственного образования – Великого княжества Литовского, ставшего одновременно и русским геополитическим партнером против германской агрессии, и центром экспансии в Западную и Юго-Западную Русь (Черная Русь, Полоцк, Витебск, Пинск, Киев, Брянск, Смоленск, Воынь, Подолия). Уже со второй половины XVIII века литовские кунигасы приглашаются в новгородско-псковские земли в качестве служилых князей (Довмонт, Айгуст, Давид, Наримонт и др.). В борьбе за Великое Владимирское княжение московские и тверские князья заключают матримониальные союзы с литовской династией Гедиминовичей, а Тверь становится в 1337-1375 гг. важнейшим политическим союзником Литвы. Однако попытка великого князя Витовта Кейстутевича заменить на Руси власть хана закончилась тяжелейшим разгромом литовско-русских войск на р. Ворскле в 1399 году. Киевская уния в 1385 году направила Литву в геополитические объятия Польши и создала из Польши и Литвы единого геополитического противника Руси.

Дестабилизация ханской власти в 1357-1381 гг. привела к возникновению восточного театра русской геополитической экспансии. В 1370 году, после набега на нижегородские воло-

---

⁴¹ Шаскальский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л., 1987. С. 55–65, 72-73, 78-84.

сти Булат-Султана (1367), полки князя Дмитрия Константиновича, в сопровождении ханского посла, меняют правящего болгарского князя Асана на своего ставленника⁴². А через несколько лет (1376) воеводы великого князя Владимиро-Московского Дмитрия Ивановича и нижегородские князья вновь приводят к покорности болгарских князей, превращая их в русских данников⁴³. В результате походов новгородских ушкуйников в 1374 году проявляется русский форпост на востоке – Вятка (Хлынов), связанный одновременно с Русским Севером (Поморьем).

В столкновении Руси с Мамаем в 1377-1380 гг. нашла отражение геополитическая активность даже не вдоль южного луча (как наносился удар), а скорее вдоль северо-западного геополитического луча, так как Мамай был решительным союзником Литвы и врагом собственно ордынских ханов. Его разгром стал достаточно серьезным препятствием на пути литовской экспансии, но он не освободил Русь от ордынского господства.

Дмитрий Донской (1350-1389), внук Ивана Калиты

---

⁴² Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. Кн. II. Т. 3–4. История России с древнейших времен. М., 1988. Т. 3. С. 272.

⁴³ Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. Кн. II. Т. 3–4. История России с древнейших времен. М., 1988. Т. 3. С. 272.

Дмитрий Иванович стал великим князем московским в 1359 году в девятилетнем возрасте после смерти своего отца. Его наставником стал митрополит Алексей. Большое влияние на великого князя оказал и настоятель Троицкого монастыря Сергей Радонежский, с которым у него сложились близкие и доверительные отношения. Именно к Сергию Радонежскому за благословением перед Куликовской битвой пришел Дмитрий Иванович

Развитие Руси под ордынским влиянием стало главнейшим фактором превращения ее в Россию-Евразию, геополитическим смыслом которой стал синтез двух реальностей – европейского леса и азиатской степи⁴⁴.

Примером такого синтеза выступало и образованное в 1446 году при Василии II Темном в составе Великого княжества Московского Касимовское царство. Оно возглавлялось царевичами-мусульманами из разных ветвей династии Чингисхана и являвшихся вассалами русских великих князей, а затем и царей. *Краеугольным камнем евразийской политики великого князя Ивана III стал его союз с крымским ханом Менгли-Гиреем (с 1474-1480 гг.), направленный как против Орды, так и против Литвы*⁴⁵.

Постепенное усиление власти великих князей Московских, шедшее в прямой параллели с ослаблением власти ордынских ханов, привело к закономерному освобождению Великорусского государства от тяготившей его зависимости: в 1476 году прекратилась посылка Орде «выхода» – дани, а отражение войск хана Ахмата («стояние на Угре») в 1480 году подтвердило факт независимости⁴⁶.

Одной из первых политических акций на новом этапе развития геополитической активности Русского государства стало подавление внутренней прозападной (пролитовской) партии – покорение Новгорода (1478) и завоевание Твери (1485), что позволило великому князю Московскому Ивану III начать титуловать себя государем и великим князем Всея Руси. Такие первостепенные исторические реалии, как завоевание Константинополя Османами в 1453 году, распад Золотой Орды на ряд независимых государств в 1440-1480 годы, подчинение Османами Крыма в 1475 году и личная уния Польши и Литвы (1447), а затем и образование Речи Посполитой в 1569 году, оказали решающее влияние на формирование геополитического спектра России конца XV – XVII вв. Широтная геополитическая экспансия дополнялась в это время долготным северо-западным геополитическим лучом при серьезной блокаде вдоль южного геополитического луча с 20-х годов XVI века.

Геополитическая экспансия России в восточном направлении привела к подчинению в 1487-1505 гг., а затем завоеванию в 1552–1554 гг. Казанского ханства, существовавшего на месте старой Булгарии. Дальнейшим движением в направлении восточного геополитического луча стало покорение (бывшего еще в 1555–1563 гг. российским вассалом) Сибирского ханства (1582–1598) – еще одного наследия Монгольской империи в бассейне рек Оби и Иртыша. Затем последовали выход на Енисей (1600–1607), в бассейн Лены (1630–1632), превратившийся позднее в главную базу освоения Восточной Сибири, на Колыму (1640-1641), к Байкалу (1641-1647) и далее – в Приамурье-Даурию (1649-1653)⁴⁷. Продвижение к Амуру привело Россию в соприкосновение с маньчжурами и, соответственно, с Китаем, который они контролировали. Неизбежное столкновение геополитических интересов было предотвращено Нерчинским договором 1689 года, но русская экспансия в этом направлении была остановлена.

---

⁴⁴ Савицкий П. Н. Степь и оседлость // На Путих: Утверждение евразийцев. Берлин, 1992. С. 341–356.

⁴⁵ Андреев А. Р. История Крыма. М., 1997. С. 118–119.

⁴⁶ Каргалов В. В. «На границах стоять крепко!» Великая Русь и Дикое поле. Противостояние XIII в. М., 1998. С. 88.

⁴⁷ Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М., 1987. С. 23–24, 28–29, 33, 36–39.

Золотая Орда – государство, созданное в ходе монгольских завоеваний в начале 40-х гг. XIII в. ханом Батыем. В состав Золотой Орды входили степи Восточной Европы, Казахстана и Западной Сибири, земли в Крыму, на Северном Кавказе, Волжско-Камская Булгария, Северный Хорезм. Столицы: Сарай-Бату, с первой половины XIV в. Сарай-Берке (Нижнее Поволжье).

Развитие русской экспансии в направлении северо-восточного геополитического луча привело в конце XV века (1483-1499) к окончательному покорению Югорской земли.

Захват Казани, наряду с восточным направлением, открывал возможность реализации южной геополитической стратегии, выражением которой стали: взятие Астрахани (1556) и выход к Каспию, добровольное подчинение Кабарды (1557) и матримониальный союз с ней (1561-1569), война с Тарковским шамхальством в 1586-1605 гг. и выход к устью Терека⁴⁸.

Одновременно России пришлось отражать на своей территории крымскую (1521-1688) и крымско-турецкую экспансию (1569)⁴⁹. Поиски возможных источников в противостоянии с Османской империей привели в XVI – XVII вв. к установлению длительных и достаточно дружественных дипломатических отношений между Россией и Ираном. Крымская угроза подтолкнула Москву к заключению военного альянса (1655-1657) с калмыками, ставшими постоянными вассалами русского царя⁵⁰. В конце XVII века, после заключения Россией «Вечного мира» с Речью Посполитой (1686), *Османская империя, претендующая на Украину, превращается на время в главного русского геополитического противника*. Затяжную борьбу России с Портой открыли Крымские походы 1687-1689 гг.

---

⁴⁸ Вернадский Г. В. Московское Царство. Ч. I. Тверь, 1997. С. 76, 96, 185.

⁴⁹ Вернадский Г. В. Московское Царство. Ч. I. Тверь, 1997. С. 111–112; Андреев А. Р. История Крыма. С. 125–140, 151–155.

⁵⁰ Вернадский Г. В. Московское Царство. Ч. II. Тверь, 1997. С. 71–73.

Поначалу Волжская Булгария была небольшим государством, зависевшим от хазар.

В дальнейшем она усилилась, ее правители распространили свою власть на всю Среднюю, а позже и Нижнюю Волгу. Под влияние волжских булгар попали башкирские племена, жившие на Южном Урале. Первой столицей был город Булгар. В 922 году официальной религией стал ислам.

На северо-западном и северном направлениях в XV – XVII вв. главными противниками России выступали Ливонский орден и Швеция, а потенциальным и стратегическим партнером – Дания. Подобный расклад сил сохранялся в конфликтах рубежа XV – XVI столетий со Швецией (1495-1496) и Ливонией (1500-1503), в затяжной Ливонской войне (1558-1582), вызванной столкновением интересов Литвы и Московии в Прибалтике, и в Русско-шведской войне 1590-1595 гг. за устье Невы. Изменение в расстановке сил относится к началу XVII века, когда в ходе польско-католической экспансии Швеция на короткое время стала военным союзником России. Этот союз обошелся России потерей выхода к Балтийскому морю с 1611–1612 гг. и временной утратой Новгородской земли в 1610-1618 гг.

К первой половине XVII века относится установление тесного дипломатического и торгового сотрудничества России со странами протестантского блока: Англией (кроме 1649–1660 гг.), Республикой Соединенных Провинций (Голландией), Данией, Голштинией.

Западный русский геополитический луч в XVI–XVII вв. упирался в Польско-Литовское государство, ставшее серьезным геополитическим противником России. Если конфликт первой четверти XVI века (1500–1522) был в целом удачным для русской экспансии в западном направлении, то Ливонская война полностью ее прекратила до середины XVII века. В ходе борьбы за Ливонию Иван VI Грозный даже пытался (правда, безуспешно) заключить антипольский союз с Англией (1567–1568). Противостояние России и Речи Посполитой в XVII веке, начавшееся так удачно для последней в 1605–1634 гг., закончилось фактической победой России в войне 1654–1667 гг., возвратившей Смоленские и Северские земли и интегрировавшей в свой состав часть Украины с Киевом. А «Вечный мир» 1686 года установил союзнические отношения Речи Посполитой с Россией, которая вошла в Христианскую антитурецкую лигу католических держав, переориентировавшись, таким образом, от союза с протестантскими государствами Западной Европы.

Реализацией русской геополитической стратегии на Западе являлись и неоднократные дипломатические контакты России со Священной Римской империей в XV – XVI веках (1486-1489, 1517, 1526, 1572, 1580 гг.), перераставшие в 1572-1576 гг. в союз против

Польша⁵¹. В XVII столетии связи с империей Габсбургов ослабевают, а в 1618-1648 гг. Россия поддерживает антигабсбургскую коалицию.

Геополитическая активность России в юго-западном направлении была связана на рубеже XV–XVI веков с Молдавским княжеством, вошедшим благодаря династическому браку великого князя Ивана молодого с Еленой Штефановной в российско-крымско-молдавский военный союз (1482-1502). Придворные интриги в Москве, а затем османское завоевание прервали эту интеграцию, грандиозные возможности России, которые ей давало провозглашение ее Третьим Римом (1523-1524), совершенно не были реализованы российской геополитикой в XVI – XVII веках. Идея духовной ответственности за судьбы православия не перешла в разряд государственной доктрины политического наследования Константинополю. Россия касалась только религиозной и культурной сфер контакта на Дунае и Балканах. Высшими достижениями во взаимодействии стали: провозглашение Русской независимой патриархии (1589), церковная реформа патриарха Никона (1654) и создание Славяно-греко-латинской академии (1685).

Многовековая история российской геополитики дает возможность с полным основанием признать ведущую роль стратегического положения России в мировом пространстве. В свете фундаментального геополитического дуализма Суши (Земли) и Моря (Воды) Русь-Россия-Евразия всегда выступала в роли первой. Уже с момента зарождения Руси-России геополитическим смыслом ее выступало взаимодействие двух семантических субстанций – европейского Леса и азиатской Степи. Синтез этих двух реальностей подарил миру Россию-Евразию, ставшую, как определил Х. Д. Маккиндер, «геополитической осью истории»⁵².

Формирование государственной идеологии «Москва – Третий Рим» (монах Филофей в посланиях Василию III)

Вся история Российского государства демонстрирует путь от государства-нации (Киевская Русь) через сообщество регионов (раздробленные княжества) к большому

⁵¹ Вернадский Г. В. Россия в средние века. Тверь, 1997. С. 94, 167, 175-176.

⁵² Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997. С. 44–47.

содружеству на идеократической основе (Московское царство, потом Российская империя). Своеобразие России во многом основано воздействием на нее тех культурно-исторических типов, в геополитическую сферу которых Россия входила на протяжении веков. *Влияние на развивающуюся русскую государственность Византийской империи дало России идеократическую государственность. Монгольская империя передала России традицию консолидации больших пространств и управления ими.* Ратцелевское (вслед за Н. Я. Данилевским и К. Н. Леонтьевым) понимание государства как живого организма позволяет осмыслить весь процесс увеличения своего жизненного пространства (месторазвития) Русью-Россией. Главное геополитическое понятие пространства как нельзя лучше воспринимается на российских необъятных просторах. На примере расширения месторазвития России ясно видно проявление всех семи законов экспансии, сформулированных Ф. Ратцелем в 1901 году. Это и увеличение протяженности государства по мере развития его культуры, и измерение в сферах идеологии, прозелитизма в ходе пространственного роста государства, и поглощение расширяющимся государством политических единиц меньшей значимости и т. д.⁵³ Кратко раскроем содержание этих законов Фридриха Ратцеля, поскольку ряд их положений актуален по сей день, к тому же они составили основу доктрины *Drang nach Osten* и плана «Барбаросса» Гитлера.

СПРАВОЧНО

Семь законов экспансии Ф. Ратцеля

I. Протяженность государств увеличивается по мере развития их культуры.

Этот закон говорит нам о том, что феномены национальной культуры и массовой культуры (особенно когда национальную культуру начинают перенимать другие народы, и она становится массовой) являются факторами огромной значимости, и наличие такой культуры – это огромная геополитическая ценность.

II. Пространственный рост государств сопровождается также развитием других сфер (производства/промышленности, коммерческой деятельности, прозелитизма – т. е. стремления обратить других в свою веру, идеологию), созданием общего притягательного образа страны.

III. Государство расширяется, поглощая и абсорбируя политические единицы меньшей значимости.

В данном законе изложено, что более мелкие государственно-территориальные образования, а также государства-лимитрофы, по мере развития основных государств поглощаются ими.

IV. Границы – это часть живого государственного организма, который располагается на периферии государства.

Приграничье – это особая территория, отделяющая разные Миры.

V. Пространственная экспансия государств стремится охватить важнейшие для его развития регионы (богатые земли, узловые точки).

Стратегическими могут быть земли с богатыми природными ресурсами, проливы, каналы, выход к морям, закрепление на возвышенностях или проход на них, важные для безопасности элементы инфраструктуры и местности.

VI. Импульс развития экспансии происходит извне, так как государство провоцируется на расширение государственно-территориальными образованиями менее развитого порядка и силы.

Здесь стоит уяснить, что причину падения государства стоит искать во внутренних процессах этого государства, а не во внешних проявлениях.

---

⁵³ Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997. С. 36–37.

VII. Общая тенденция к ассимиляции/абсорбции более слабых наций/народов/народностей подталкивает государство к движению, которое подпитывается само собой (как огонь), к еще большему расширению территорий.

Меридиональные интеграция и экспансия (по оси север – юг) в виде северо-западного, южного и юго-западного геополитических лучей имели первейшее значение на этапе генезиса русской государственности в IX–XI вв. В период с середины XI по середину XIII века начинает усиливаться широтная экспансия и интеграция в виде западного геополитического луча и восточного, при одновременной блокаде южного направления, где к началу XIII века экспансию сменяет интеграция. Спектр геополитических интересов периода с середины XIII века по последнюю четверть XV века охватывает главным образом меридиональные северо-западный, северный и северо-восточный геополитические лучи, к которым только в последнюю треть XIV века примыкает широтный восточный луч. Первейшее значение для хронического периода с последней четверти XV века по конец XVII века имели широкая экспансия и интеграция в виде западного и особенно восточного геополитических лучей, южное, северо-западное и северное меридиональные направления были значительно ослаблены. Экспансионистские устремления стратегических противников России на севере и северо-западе (Швеции) и на юге (Османской империи и Крыма) помешали полному переходу от меридиональной активности к широтной. Период с конца XVII по начало XX века ознаменовался борьбой России вдоль меридионального направления за выход к Балтийскому и Черному морям, законченной только к концу XVIII столетия (северный, северо-западный и южный лучи), а также на Дунай и Балканы (юго-западный луч). Юго-восточный геополитический луч развивался медленно, но угроза экспансионистских устремлений Британской империи потребовала утверждения влияния России в Средней Азии и дипломатических контактов с Афганистаном. Все это оттягивало громадные усилия от широтных геополитических лучей. Несмотря на это, широтная экспансия и интеграция активно развивалась от Польши на западе до Аляски и Северного Китая на востоке. ***А именно широтная геополитическая активность превратила Россию в евро-азиатскую державу – «сердце мира» (по Х. Маккинтеру).***

В заключение хочется отметить, что знание исторических корней российской геополитики особенно важно на современном этапе (XXI в.) – в условиях крайне агрессивных атлантистской и турецкой экспансий в Евразию, а также усиления китайской активности в регионе – и должно помочь правильному осмыслению геополитической стратегии, потенциально выгодной для российской государственности. В частности, более активному задействованию в евразийском геополитическом проекте ШОС и ЕАЭС.

Геополитическое развитие России на сибирско-азиатском направлении

Геополитическое развитие России из локального государства в мировую державу, из Московского княжества в Российскую империю по сей день уяснено далеко не полностью и в недостаточной степени. Прежде всего это относится к одному из ключевых направлений континентальной экспансии России – среднеазиатско-сибирскому.

На первый взгляд среднеазиатское (центральноазиатское) направление не выглядит в истории строительства российской державы (впоследствии сверхдержавы) ни первостепенным, ни главным: и территориальное расширение России завершилось здесь позднее всего (лишь в конце XIX века), и основные войны Россия вела не здесь, а западнее – в Балтийско-Черноморском ареале Древней Руси (а также сопредельном Кавказе). Наконец, если там России удалось вернуть практически всю домонгольскую геополитическую сферу влияния и контроля (и даже ее расширить), то в центре Азии ее продвижение остановилось как бы на полпути: от Арала до Афганистана сохранились среднеазиатские (пусть и вассальные) государства, которые сегодня, в начале XXI столетия, усилиями и активностью соседей России (Китая, Турции, Ирана), при отсутствии соответствующей стратегии у Москвы, выводятся из-под ее влияния. И решающую роль в этом негативном для нас процессе играет выдавливание в 1991 году среднеазиатских республик из состава СССР и его роспуск 8 декабря 1991 г. в Беловежской Пуще Ельциным, Кравчуком, Шушкевичем (лидерами славянских республик – России, Украины, Беларуси).

Но означает ли это второстепенность среднеазиатского геополитического направления и региона в истории России и ее политики? При ближайшем рассмотрении оказывается как раз наоборот: и направление важнейшее, и регион сложный, и проблемы труднейшие – во всех трех позициях неизменно неоднозначные и, главное, как правило, не вполне очевидные. По этой причине лишь прослеживание проблем среднеазиатской геополитики России на максимальном протяжении ее истории позволит подметить их закономерность и смысл, а отсюда и логику их решения в разное время и разными правительствами.

На таком подходе настаивает классик русской геополитики и стратегии XX века, ученый-востоковед и незаурядный полководец, генерал-лейтенант А. Е. Снесарев (1865–1937). Еще в 1899–1904 гг. как офицер-разведчик штаба ТуркВО он активно действует в регионе, а в 1905–1910 гг. в звании подполковника и полковника возглавляет средне-и южноазиатское направления в центральном аппарате Генштаба. (В 1919–1921 гг. А. Е. Снесарев руководит Академией Генштаба РККА и создает ее восточный факультет; в 1919-м играет важную роль в содействии борьбе Афганистана против Англии.) Принцип среднеазиатской политики сформулирован капитаном Снесаревым в его первом фундаментальном труде «Северо-индийский театр [военных действий]» в 1903 году⁵⁴.

---

⁵⁴ Снесарев А. Е. Северо-индийский театр. Ташкент, 1903. Т. 2. С. 303.

А. Е. Снесарев о «Большой игре»

«Англии нужна именно слабая Россия, подчиняющаяся указаниям из Лондона, а не Россия могущественная, способная возвышать свой независимый голос. Поистине трогательна нежная забота английской печати об укреплении русской Конституции. Но удивляться этим самоуверенным наставлениям и назойливому навязыванию своих рецептов для спасения России не приходится, раз известная часть русской печати с таким благочестивым вниманием прислушивается к изречениям английских менторов и вторит им, хотя лучше было бы перенять у тех же англичан небольшую дозу национальной гордости».

Предшественники А. Е. Снесарева существенно расходятся в оценке того, как давно начались отношения России со Средней Азией и насколько упрочнены были эти отношения в рамках государственной политики. Так, генерал Л. Ф. Костенко считает, что эти связи развивались еще задолго до Петра Великого, но бессистемно. Генерал М. А. Терентьев, также немало лет отдавший службе в Средней Азии, находит, что эти связи восходят к продвижению Москвы при Иване III на Урал; эти отношения были подчинены в допетровский период и при Петре логичной геополитике. Генерал Терентьев при этом напоминает, что исторически (геополитически) Средняя Азия начиналась много ближе к центру России, чем в позднейший период и тем более в наши дни. Объяснялось это пребыванием тюркских кочевников и татаро-монгольской государственности на рубежах Волго-Окского двуречья (отсюда растяжимость историко-культурного понятия Средней Азии; ее географические рамки у М. А. Терентьева идентичны современным). Классик российского востоковедения В. В. Григорьев берет эти отношения России со Средней Азией как данность, восходящую к татарскому игу, и считает, что *во второй четверти XVIII века Россия действовала в центре Азии много увереннее, чем последующий послепетровский период*⁵⁵.

---

⁵⁵ Костенко Л. Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1871. С. 89–90; Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. 1. С. XV; Григорьев В. В. Русская политика в отношении Средней Азии. СПб., 1874. С. 11, 13.

С этими взглядами авторов XIX века пришлось разбираться А. Е. Снесареву, посвятившему Центральной и Южной Азии в качестве ученого и практика тридцать лет (1899-1929). Генерал Снесарев избегает однозначных оценок исторической роли и конкретной геополитики России в центре Азии. В его военно-востоковедных работах, посвященных позднему периоду XVIII – XIX вв., государственная политика центральной власти России в регионе расценивается как в целом слабая, эмпирическая и подчас запоздалая. Однако на страницах «Военной географии России»⁵⁶ мы встречаем удивительные свидетельства беспрецедентного роста России в среднем на 1 км в месяц независимо от степени ее собственной стабильности. Так, *со времен Ивана III за четыре века Россия выросла в десять раз и превратилась в евразийскую континентальную державу.* (Неслучайно уже в XVII веке китайцы присвоили России очень меткое определение «Э Го» – Неожданная Страна.) Многочисленные военные победы и политические успехи России на различных направлениях Евразии вполне очевидны. Но применительно к Средней Азии генерала Снесарева, известного русского геополитика XX века, совершенно не удовлетворяют крайние и однобокие суждения: с одной стороны, объяснение расширения пределов России в центре Азии причинами стихийными, а потому и непознаваемыми; с другой – объяснение геополитики России умоузорительными частностями вплоть до метеорологии.

Понятие стихийности генерал Снесарев заменяет понятием естественно-исторической обусловленности. *Русскому народу как сильнейшему из славян Русская равнина была достаточна для минимального пропитания, но не полноценного исторического бытия и обеспечения безопасности.* Полноценное развитие как необходимость и возможность «созидать историю» требовало большего территориального простора и большего разнообразия видов общественного труда. По этой причине русский этнос не мог изначально не распространяться «во все стороны систематически и непреклонно»⁵⁷ ради земледельческой колонизации новых территорий, освоения новых ресурсов, торговых путей и, наконец, выходов к морским побережьям.

На первый взгляд, Средняя Азия очень мало дает во всех этих отношениях (отчего в общественном мнении России прошлого века среднеазиатская геополитика встречала довольно мало понимания и поддержки). Средняя Азия и Казахстан проигрывали в масштабности открытия и освоения новых земель. Так, в Сибири северными и южными путями русские землепроходцы уже к середине XVII века достигли Тихого океана: из устья Лены через Ледовитый океан были достигнуты Чукотка (1648) и Камчатка, южным путем (из Томска) – Байкал и устье Амура (1644); Иркутск был основан уже в 1699 году. Напротив, подобные темпы продвижения в Казахстане и Средней Азии оказались в принципе невозможны, а движение землепроходцев – просто немыслимо.

В данном плане известные поиски Петром Великим путей в Индию и к золотым россыпям Восточного Туркестана казались утопическими (вроде малоизвестного плана Ломоносова, предложившего спустя полвека после инициативы Петра – в 1763 году – план достижения Индии не среднеазиатским сухим, а Северным морским путем). Казалось бы, среднеазиатский вопрос в силу своей «отвлеченности» отпал сам собою и с повестки дня был снят совершенно естественно.

В чисто утилитарной системе понятий финансов и торговли этот вопрос действительно имеет очень мало смысла, если имеет вообще. Столь же невелик его смысл и в узком масштабе двух веков российской истории. Напротив, *в системе понятий геополитики и в разделе семи (а то и всех десяти) столетий борьбы России за полноценное выживание и развитие этот вопрос обретает неординарное, ключевое, поистине кардинальное значение.* Именно потому

⁵⁶ Снесарев А. Е. Военная география России. СПб., 1910. С. 16.

⁵⁷ Снесарев А. Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906. С. 12.

актуален совет генерала Снесарева обращаться к истории наиболее глубоко и прослеживать логику процессов максимально длительных. Это необходимо делать, как указывал А. Е. Снесарев еще в 1906 году⁵⁸, для исправления сложившейся в среднеазиатской политике России негативной традиции бессистемности, запаздывания, утраты исторической инициативы. **Британская империя, подчеркивает А. Е. Снесарев, побеждала и побеждает Россию в центре Азии благодаря системности своего исторического знания и своей стратегии.** Полноценно обобщая опыт истории, можно овладевать ее тенденциями и не просто его прогнозировать, но определять, моделировать, захватывать историческую инициативу. «В центре внимания обычной стратегии – маневр в пространстве, – указывает французский генерал А. Бофр, последователь А. Е. Снесарева в области высшей стратегии. – **В центре же внимания геополитики как необычной высшей стратегии – маневр во времени**»⁵⁹, свобода которого – залог успеха. «Генерал Бернгарди обобщать не умеет, а потому не годится в пророки», – неслучайно напишет генерал Снесарев в одной из рецензий⁶⁰; иными словами, без широких и верных обобщений нет маневра во времени и нет полноценной гео[историо]политики.

А. Е. Снесарев подсказывает нам и то, откуда необходимо прослеживать процесс России в центр Азии. Он напоминает о трех волнах нашествий на Русь из глубин Азии: Великом переселении народов, монголо-татарском и менее известном – нашествием людских масс под предводительством Тимура. **Если первое прошло в Европу сквозь древнейшую Русь и тем самым стимулировало (хотя и не сразу) сплочение этноса в народ и государство,** то два последующих о Русь разбились. Если нападение монголо-татар обернулось для Руси разорением и длительным игом, то Тимур перед лицом сплоченной Московской Руси повернул прочь. (Иной вопрос, стремился ли Тимур всерьез к завоеванию Руси, что сомнительно.) С того поворотного пункта истории, указывает А. Е. Снесарев, и началось продвижение России вглубь Азии.

Нам остается разобраться в причинах, характере, следствиях и значении этого процесса. Но это не значит, что прослеживать сам процесс целесообразно с его первых открытых проявлений. (Кстати, сам А. Е. Снесарев и не настаивает на такой буквальности.) Напротив, логику продвижения России в Среднюю Азию гораздо легче понять, если проследить ход и характер формирования самого субъекта данного процесса – Великого княжества Московского, превратившегося в Московское царство и далее в Российскую империю. Этот процесс прослеживается по трем историко-географическим рубежам – трем «О»: бассейнам Оки, южноуральской Ори и верхней Амударьи («Оксус» во времена Александра Македонского). Как же именно формировалась единая Московская Русь – Российская империя?

На протяжении XVI–XIX вв. она формировалась прежде всего: а) исподволь и б) «в обход». По этой причине А. Е. Снесарев отнюдь не прямолинейно и не буквально понимает продвижение России в Средней Азии «там, где легче было пройти»: путь наименьшего сопротивления может быть как самоцелью, так и служебным средством. Таким средством пользовались (и таким принципом руководствовались) Александр Невский, его потомки и преемники в деле собирания Руси и воссоздания державы. Хорошо известно, что в борьбе с татаро-монгольским игом **Александр действовал совершенно нетрадиционно: изощренное военное искусство Востока повернул против германских крестоносцев, аналогичное же военному искусству искусство геополитики – на симбиоз с Ордой.** Его младшие внуки – московские князья – успешно применяли его принципы уже в борьбе за «великий стол» князей Владимирских; эта первая ступень крутой лестницы восхождения к мировой империи была весьма высока...

Как же преодолевал ее Иван Калита – первостроитель империи?

⁵⁸ Снесарев А. Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906. С. 18.

⁵⁹ Beaufre A. L. introduction a la strategie. Paris, 1963. P. 89.

⁶⁰ Снесарев А. Е. Ф. Бернгарди «О войне будущего» (предисловие к переводу). М., 1921. С. 7.

В начале XIV века вообще мало кто мог представить, что малозаметное Московское княжество возглавит Русь и победит Орду еще до конца того же столетия. Княжество достигало размеров Швейцарии – с той лишь разницей, что на огромных восточно-европейских просторах оно было окружено многочисленными врагами. Даже минимальных геополитических ресурсов у Москвы поначалу тоже не было. Казалось, что борьба слабой Москвы за «великий стол» изначально обречена: еще в 1249 году московский князь Михаил Хоробрит пытался взять Владимир с ходу и сразу погиб.

Младший сын Александра Невского Даниил Московский и внук Иван Калита поступили иначе. Сперва они мирно заполучили хлебные угодья Переславля-Залесского и речное «окно» во внешний мир – Коломну. Последняя означала не только полный контроль бассейна Москвы-реки (само по себе это немного), но обилие рыбы, лесной дичи и мед Мещерских лесов. Обеспечив минимальную продовольственную безопасность, Калита пошел дальше. Но как? Опять же в обход. От Переславля-Залесского текут в противоположных направлениях две реки с одним названием Нерль. Одна впадает в Клязьму и ведет таким образом прямо во Владимир, другая – в Волгу и вроде бы в сторону от него. Иван Калита выбрал волжский путь. В результате в течение XIV века московским князьям удалось, перехватив северную излучину Волги ниже Твери (своей главной соперницы), присоединить Углич, Галич, Белоозеро, Вологду, Великий Устюг при позитивном нейтралитете Ростова Великого и Ярославля. Образовался геополитический «угол», или «игрек», – опора Владимирского великого княжества с центром в Москве.

Наряду с волжским «игреком» в геополитическом уравнении был и свой «икс». Им стал верхневолжский городок Кснятин (совр. Скнятино) при впадении второй (западной) Нерли в Волгу. Полное изначальное его название – Константинытин. Название города-тезки Царегорода-Константинополя звучит едва ли не пародийно, но поддаваться впечатлению пародийности не стоит. Термин «Кснятин» – не единственная знаковая заявка на империю, были и другие, но о них ниже. Пока отметим, что настолько же велики были преимущества Волги перед Босфором: тот разделял Византию надвое, она же связала Россию воедино как в ее европейских масштабах, так и масштабах континентальных, евразийских. Это понимали уже тогда. Поэтому с помощью позиций в Коломне и Кснятине московские князья постарались обеспечить себе контроль над Волго-Окским двуречьем и его превращение в геополитическую «водяную мельницу». (Как отметил поэт, «Мельницы богов неторопливо // Мелют созревающие зерна...».) На такой геополитической исходной базе можно было неспешно, но упорно работать далее: забирать себе у Орды все больше и больше прав, отвоевывать самостоятельность шаг за шагом.

Геополитика московских князей не сводилась к утилитарно-практическим действиям. Напротив, подчас большую роль играли их духовно-символические действия. Так, возвышение Москвы и овладение владимирским престолом началось с переселения сюда митрополита Владимирского Петра. Через год после переезда в Москву митрополит Петр скончался и был погребен в Успенском соборе Московского Кремля. В рекордно короткий срок (двадцать лет) Иван Калита добился у Константинополя его канонизации, и в результате главный храм Москвы негласно превратился в собор... св. Петра. Тем самым Москва продемонстрировала готовность стать не Третьим Римом и даже не Вторым, а Первым. При сыне Калиты Симеоне Гордом обветшалый собор св. Софии в Константинополе был отремонтирован на деньги Москвы (второй, не менее символический шаг в том же направлении: на этот раз уже упадочную Византию – Вторым Рим – дипломатично поставили на место). Геополитика Калиты и Симеона Гордого подготовила базу успеха их наследников от Дмитрия Донского до Ивана III.

Картографически это выглядит достаточно показательно: от Калуги через Москву к Белоозеру и Вологде протягивалась геополитическая «сабля» Калиты и Симеона, как бы занесенная над Ордой, разбитой на Куликовом поле и далее серьезно потрепанной Тамерланом. В свою очередь, расширившаяся еще больше Московско-Владимирская Русь Дмитрия Донского, его сына Василия I и внука Василия Темного (самого первого из русских царей) напоминает на

карте сокола, готового взлететь за добычей и зорко глядящего на восток (сокол – символ бдительности). При этом соперники Москвы – Рязань и Тверь – очутились под крыльями «сокола». И действительно, в следующем XV веке Иван III гибко присоединил их к Москве на началах личной унии и широкой автономии; столь же гибко поступил он с Новгородом и Псковом. На этой основе продвижение Московской Руси к северо-востоку от Волги и Вологды позволяло укрепить позиции относительно группы ханств, на которые распалась в начале XV века Золотая Орда. Иван III, стремясь покончить с татарским игом фактически и формально, первым делом постарался обойти с севера Казанское ханство, для чего занял Пермь и Вятку. Аналогичным образом в отношении Дикого поля поступали практически и все его преемники: сперва обходили степные ханства с севера, затем принимали конкретные меры к ним самим⁶¹.

Гибкая, дальновидная и продуманная политическая стратегия московских князей объяснима не просто реагированием на возможности и способности сильного противника, подчинившего себе Русь в XIII веке. Военная стратегия и тактика Александра Невского, до сих пор восхищающие потомков, есть синтез опыта лучших вождей Древней Руси и китайской военной классики, заимствованной сложным путем при общении с монголо-татарами⁶². Куликовская битва – образец воплощения Дмитрием Донским теории древнекитайских военных классиков (Сунь-Цзы и др.). Но эта военная мысль изначально перерастала в геополитическую. Иными словами, *московские князья своими победами доказывали, что перехватили у монголо-татар наследие Сунь-Цзы и Чингисхана*. Не менее ярко, чем на Куликовом поле в 1380 году, это было доказано в 1395-м, когда из окрестностей того же поля боя отступил Тимур; а также на Угре (воплощенный идеал победы без сражения в духе Сунь-Цзы). В обоих случаях на стороне Руси работала формула Сунь-Цзы – «непобедимыми выжидать». С одним лишь приближением Тимура на Руси началось всеобщее ополчение и четкое стратегическое развертывание на рубеже Оки. Тимур же, оценив потенциальный ТВД, разглядел в нем увеличенное в масштабе Куликово поле и предпочел Русь не трогать, а расправиться с Тохтамышем: в борьбе за центр Евразии Тамерлан сам воевал с Золотой Ордой едва ли не двадцать лет.

На завоеванных сибирских землях русские землепроходцы стали строить ОСТРОГИ (укреплённые поселения).

⁶¹ См.: Зотов О. В. Неожиданная страна // Дружба народов. 1994. № 4.

⁶² См.: Михлевич Н. П. Основы русского военного искусства. СПб., 1898.

В Сибири были построены крепости Тюмень, Тобольск, Верхотурье, Березов, Нарым и др. Вслед за казаками в Сибирь устремились торговые и служилые люди, беглые крестьяне. Началось освоение этого края.

Так или иначе, в процессе собирания Руси и борьбе за освобождение от ордынского ига московские князья применяли весьма тонкую и совершенную стратегию. Уже один этот факт говорит о том, что и тогда, и в дальнейшем правители Москвы – потомки Александра Невского – должны были ставить перед собой неординарные цели и применять соответствующие им средства. К целому комплексу сил и средств их неординарной геополитики относится и основательно подзабытый фактор во всех отношениях необычного имплантата в геополитическом «организме» Московской Руси – так называемого Касимовского царства⁶³. Без преувеличения можно сказать, что именно с помощью этого геополитического козыря Москве удалось в XV – XVII вв. не только присоединить татарские ханства Поволжья (обломки Золотой Орды), но и прочно закрепить их за Россией. Стратегия собирания Руси изначально включала внедрение исподволь в политическую систему Золотой Орды с поэтапным ее подчинением влиянию Москвы. Благодаря же касимовскому фактору влияние на Орду плавно переросло в ее растущее подчинение русскому контролю.

Пусть на улицах вражеской столицы шепчутся, что князь обворовывает народ, советники его предали, чиновники спились, а воины голодные и босые.

Пусть жители калечат имя своего князя и произносят его неправильно...

Пусть им при сытой жизни кажется, что они голодают.

Пусть состоятельные жители завидуют тем, кто в княжестве Вэй пасет скот.

Разжигайте внутренний пожар не огнем, а словом, и глупые начнут жаловаться и проклинать свою родину.

И тогда мы пройдем в их крепость без оружия, через открытые ворота.

Из книги «Сунь-Цзы о военном искусстве», Китай, V век до н.э.

⁶³ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Т. 1–3. СПб., 1863–1887.

Казанское и другие татарские ханства а – границы Казанского ханства; б – столицы татарских ханств и княжеств: 1 – Казань, 2 – Касим, 3 – Тюмень, 4 – Сарайчик, 5 – Астрахань, 6 – Азак, 7 – Бахчисарай; в – столицы соседних государств: 8 – Москва, 9 – Вильно

Следует сразу отметить, что Русь имела теснейшие многообразные контакты со своими кочевыми соседями задолго до нашествия Батыя. Симбиоз домонгольской Руси с половцами стал столь силен, а династические браки и военно-политические союзы столь часты, что степные соседи превратились едва ли не в фактор повседневной жизни Руси XII – начала XIII в.; тогдашние постоянные усобицы лишь стимулировали этот процесс. Знаменитый князь Игорь Новгород-Северский – наполовину половец, Александр Невский – внук половецкини. Привлекались на службу Руси и другие степные кочевники. Собственно, и монголо-татары напали сперва не на саму Русь, а на ее союзников – половцев.

Известны примеры выделения кочевым «федератам» земель в домонгольской Руси. Так, например, в XII веке Перепетово поле было обнесено укреплениями и предоставлено кочевым союзникам для выпаса скота и защиты границ Киевской Руси (но подчинялись «перепетовцы» не Киеву, а Владимиру). Когда в первой половине XV века в результате распада Золотой Орды ожесточились распри претендентов на ханскую власть, усилилась эмиграция знатных татар и их воинов с переходом на службу московским князьям. Служивые татары были расположены гарнизонами в Поволжье и на Оке – в Романове, Арзамасе, Алатыре, Кашире и целом ряде других городов. Однако среди них особняком стоял Касимов на левом берегу Оки ниже Рязани. Первоначально называясь Городец Мещерский, он был в 1452 году пожалован Василием II Темным своему татарскому сподвижнику – казанскому царевичу Касиму. Тот, спасая свою жизнь, бежал на Русь и сыграл едва ли не решающую роль в победе Василия над мятежной группировкой Дмитрия Шемяки. Василий Темный первым из московских князей начал именоваться царем. Попытка эта сразу не укоренилась, а сам факт остался малоизвестным. Гораздо лучше известна практика назначения с тех пор татарских царевичей «царями Касимовскими». Начи-

ная с Ивана III, правители Московской Руси сами именовались и короновались царями, но тем не менее цари Касимовские сохранялись до самого царствования Петра I.

В чем же состоял смысл института русского «двоецарствия» XV–XVII вв.? Этот смысл геополитически глубок и неоднозначен. Касимовское «царство» поддерживалось в качестве противопоставленного татарским ханствам бывшей Золотой Орды своего рода «антитела»; *в Касимове возвращались геополитические «антивирусы»*⁶⁴ – *верные Москве претенденты на ханские престолы Казани, Астрахани, Крыма, Сибири* либо верные Москве антиханы. Касимовское «царство» примечательно тем, что «цари» в нем менялись, а постоянные династии не допускались. С другой стороны, если правители мелких татарских владений, пожалованных на службу Москве, постепенно, если не в первом, то в последующих поколениях принимали православие, то в Касимове это никак не допускалось и *касимовские «цари» обязательно оставались мусульманами*. В противном случае они не могли выступать претендентами на ханские престолы и как потенциальные ставленники Москвы теряли какой-либо смысл. В данном плане утилитарное значение Касимовского царства совершенно очевидно.

В течение ровно ста лет с помощью касимовского фактора Казанское ханство старались превратить в вассала и союзника. Попытки эти удавались эпизодически, но по мере усиления Крымского ханства и его сюзерена – османской Турции – они утратили свою действенность. Нападения, грабежи, разорение приволжских земель Руси, захват людей и продажа их в рабство в Среднюю Азию продолжались как до подчинения Казанского, Астраханского и Сибирского ханств Иваном Грозным, так и после – до самого присоединения Казахстана и Средней Азии. Таким образом, попытки мирного соседства с обломками Золотой Орды (наподобие домонгольского симбиоза с кочевыми половцами и оседлой Волжской Булгарией) не увенчались успехом, хотя временами бывали удачны.

Казалось бы, неудача добрососедского сосуществования Московской Руси и постордынских татарских ханств положила конец феномену Касимова. Однако, напротив, его роль возросла, а институт «двоецарствия» усложнился и получил углубленное развитие.

Иван Грозный сохранил Касимовское царство как «младшее» в составе «старшего» – Московского. Роль Касимова как геополитического «двойника» присоединенных к России и особенно еще не присоединенных к ней мусульманских государств всецело сохранялась. «Царство» обладало всеми атрибутами суверенитета, правом самостоятельных внешних сношений – но не внешней политики. Находилось Касимовское владение в ведении Посольского приказа. Иными словами, налицо было государство суверенное, но вассальное. С другой стороны, татарским царевичам (если они не «назначались» в Касимов) могли предоставляться уделы в Кашире или Звенигороде. При этом нельзя не учитывать, что это были наследственные уделы... великих князей и царей Московских. Тем самым «двоецарствие» получало дополнительное подкрепление.

Механизм складывающейся многонациональной и поликонфессиональной державы отнюдь не сводился к чистому «двоецарствию». Имела место и не менее интересная практика непростых и неоднозначных династических связей. Иван III символически «усыновил» царевича-мусульманина Мухаммеда Эмина (впоследствии хана Казанского). Его сын Василий III выдал замуж свою сестру Евдокию за взятого в плен и позже крещеного казанского царевича Худай-кула (Петра Ибрагимовича). Когда Петр Ибрагимович умер, он был погребен в Успенском соборе Московского Кремля, т. е. неподалеку от св. Петра, митрополита Московского. Дочь Петра Ибрагимовича Анастасия стала женой князя Василия Васильевича Шуйского, ее сестра (тоже Анастасия) – женой князя Мстиславского, дочь Шуйских – женой князя Бельского, внучатая племянница Петра – Худай-кула – женой царевича Симеона Бекбулатовича

⁶⁴ Зотов О. В. Московская Русь: геополитика в Сердце Земли // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993. Ч. 1. С 119–120.

(бывшего касимовского царя Саин Булата). Этот замкнутый круг знати во главе с царевичем Симеоном официально правил так называемый Земщиной (Россией, не входившей в Опричнину Ивана Грозного).

Личность и биография Симеона Бекбулатовича заслуживает особого внимания в силу своего наглядно евразийского характера и статуса в политической системе Московского царства. Примерно в 1562 году этот сибирский царевич и его брат Тохтамыш перешли на русскую службу и отличились в Ливонской войне. В конце 1560 года Саин Булат (тогда еще мусульманин) короткое время был касимовским царем, а затем князем Тверским. Со времен объединения Руси Иваном III на началах квазифедерации Тверь (а с нею Смоленск и Рязань) считались унаследованными в пользу московских царей. Теперь Иван Грозный формально делегировал свои суверенные права на Тверь Саин Булату. В 1573 году тот крестился и позднее был даже провозглашен Иваном Грозным в качестве «царя всея Руси» (сам Иван стал называться «князем Московским»). Суть политической системы России и полнота власти Ивана Грозного от этого не изменились. Однако к тому времени ритуальные усыновления и династические браки сложились в такую систему, что Иван Грозный и жена Симеона Анастасия Мстиславская в равной мере оказались потомками царя Ивана III по прямой линии. Вдобавок Анастасия Мстиславская оказалась правнучкой не только самого первого русского царя Василия II Темного, но и его свояка Худайкула (Петра Ибрагимовича). Иными словами, она происходила равным образом от Рюрика и Чингисхана. По этому принципу ее и подобрали в жены Симеону Бекбулатовичу. Внешнеполитический символизм такого династического решения очевиден и Востоку был вполне ясен: Симеон – «второе я» царя Московского, Чингисид – «младший брат» Рюриковичей. В этом контексте Иван Грозный – естественный сюзерен и номинальный повелитель всех постордынских государств Евразии.

Иван IV Васильевич (Грозный) (1533 / 1547–1584 гг.)

- царь всея Руси (1547 г.);
- присоединение Казанского, Астраханского, Сибирского ханства;
- централизация Российского государства;
- созыв Избранной рады, проведение ряда реформ;
- ужесточение положения крестьян;
- создание опричного войска, опричнина;
- изменение герба – на груди орла появляется всадник;
- становление самодержавия;
- автор многочисленных посланий (переписка с кн. Курбским);
- возведение храма Василия Блаженного в Москве и Софийского собора в Вологде.

«Двоецарствие»⁶⁵ в Московском государстве – институт далеко не случайный, а в Орде – тем более. Обычаем Орды было соправительство хана со своим наследником. Иван III ввел этот обычай в России, но лишь **Иван грозный ввел татар в эту систему**. Важно учесть, что монарх и его соправитель не равны в правах друг другу, это не консулы Рима. Их связывают отношения старшего и младшего, начальства и подчинения. Ивану Грозному «двоецарствие» было необходимо в двух качествах – внутри- и внешнеполитическом. Внутри государства – для консолидации самодержавно-дворянской монархии (служилые татары были опорой лично царя), вовне – для интеграции новоприсоединенных ханств в состав России и для сближения с государствами тогдашнего «ближнего зарубежья». (Одно время практиковалось использование в этих целях и царевича-мусульманина в Касимове, и крещеного царевича в Москве.)

После смерти Ивана Грозного Симеон Бекбулатович заметной роли уже не играл. Прожив еще тридцать два года, он скончался и был погребен в московском Симоновом монастыре

---

⁶⁵ Трепанов В. В. Восточные элементы российской государственности // Россия и Восток. М., 1993. Ч. 1. С. 50–51.

как инок Стефан. Однако и после него Касимов продолжал играть существенную роль целых сто лет. В 1600 году на касимовский престол был торжественно возведен другой сибирский царевич – Ураз-Мухаммед (участник невского похода против шведов в 1590 году). Этот царевич был потомком самого Джучи – старшего сына Чингисхана и правителя центральноазиатских владений. Внук Джучи Урус-хан был союзником Тимура в его борьбе с врагом Руси – ханом Золотой Орды Тохтамышем. В 1601 году Ураз-Мухаммед выступает в качестве «второго я» Бориса Годунова. Во время Смуты оба самозванца Лжедмитрия никак не посягали на статус царей Касимовских (Лжедмитрий II убил Ураз-Мухаммеда, но затронуть Касимов даже не помышлял). В 1614 году царем Касимова стал пленный сибирский царевич Алп-Арслан (до того воевавший под командованием князя Пожарского). Когда он приезжал в Москву из Касимова, царь Михаил и его отец патриарх Филарет торжественно принимали Алп-Арслана в Золотой палате как суверенного правителя (хотя он им не был), а знатные бояре боролись за честь встречать «царя Касимовского» (что было много престижнее встречи, к примеру, посла Англии). Несомненно, и в этом тоже проявлялось не только реальное, но и символическое (что не менее важно) могущество московских царей в масштабах континентальной Евразии, на рубежах мира кочевников и в зоне когда-то бесспорного могущества ханов-Чингисидов.

Симеон Бекбулатович

- 30 октября 1575 г. Иван IV отрёкся от престола и возвел на него татарского царевича Симеона Бекбулатовича
- Сам Грозный именовал себя боярином московским и писал на имя Симеона челобитные: «Государю великому князю Симиону Бекбулатовичу всеа Руси Иванец Васильев с своими детишками, с Ъванцом да с Федорцом, челом бьют»
- Симеон Бекбулатович пробыл великим князем всеа Руси 11 месяцев. Известны жалованные грамоты, писанные от его имени
- В 1576 г. Иван Васильевич вернулся на трон, а Симеона жаловал великим княжеством Тверским

Предчувствие этого могущества еще в конце XV века проявилось весьма оригинальным образом. Казанская царица Нур Салтан – мудрый политик и авторитетное лицо в татарских ханствах – была настроена к России весьма позитивно. Ее сын Мухаммед Эмин, оставшись мусульманином, был символически «усыновлен» царем Иваном III. В 1495 году царица совершила хадж в Мекку и, вернувшись оттуда, преподнесла в дар Ивану III коня, на котором совершила свое паломничество к святыне Каабы. Что мог означать этот дар мусульманской царицы православному царю? Не исключено, что он содержал намек на пророка Мухаммеда, который оставил преемникам государство хотя и небольшое, но с огромными перспективами халифата. И действительно, *Россия при Иване III была не больше Австрии, но с XVI века начала*

расширяться и к XX веку охватила полмира. В не меньшей степени «конь из Мекки» напоминал и напоминает, что *опорой континентального могущества России является как минимум ее влияние на сопредельные исламские регионы, населенные преимущественно тюркскими народами.*

Тем не менее при династии Романовых со второй четверти XVII века «касимовское» начало русского великодержавия развивалось лишь по инерции. Престиж касимовских царей даже возрастал: сын Алп-Арслана Сеид-Бурхан (в крещении Василий Арсланович-Ярославович) стал тестем Мартемьяна Нарышкина – родного дяди Петра I. Сын Василия Арслановича (Ярославовича) Иван женился на княжне Салтыковой – свояченице Ивана V, брата и соправителя Петра I. То, что касимовские «цари» женились на сестрах цариц, было обычаем и воспринималось совершенно естественно. Но при этом сошло на нет геополитическое значение Касимова. Сеид-Бурхан был первым касимовским царем, который, во-первых, крестился и, во-вторых, унаследовал Касимов. Статус самого царства, в отличие от его правителей, снизился: его передали в ведение приказа Казанского дворца, упразднили финансовую автономию. В определенных случаях при государственных и церковных церемониях касимовский царь не раз заменял своего кузена Петра I, но лишь до 1700 года. Царское достоинство Сеид-Бурхан, его дети и внуки сохраняли почти до 1721 года (момента учреждения Российской империи): их приравнивали к прочим князьям в 1718 году. С тех пор они более уже не являлись первыми по знатности подданными русских царей.

Создается впечатление, что Касимов как геополитический фактор далеко не исчерпал себя и был отменен как раз в канун формирования нового комплекса внешнеполитических проблем и потребностей России на востоке. Ошибка была сделана еще при царе Михаиле и не исправлена при Алексее Михайловиче. ***На востоке был бесспорен авторитет Ивана Грозного как царя православного и мусульманского, и противопоставить ему та же Османская империя ничего не могла.*** Но уже Алексей Михайлович столь грозным авторитетом не пользовался. Иван Грозный мог предложить крымскому хану Касимов в качестве приданого Маг Султан, родственницы казанского царевича Шах-Али, а крымский хан спешил опасливо отказаться от такого «подарка» (он резонно видел в Касимове – двойнике своего ханства – подкоп под свою власть). А уже в 1661 году крымские послы иронически комментировали крещение патриархом Никоном касимовских и прочих служилых татар: «Нынешний ваш царь вообразил себя умнее отцов и дедов своих... *Христиан у вас намного больше не будет, а у нас их под властью и так предостаточно*»⁶⁶. Посол Крыма говорил в данном случае от лица не столько своего хана, сколько его сюзерена – султана Турции. Но и так ясно, что малочисленные служилые татары (и особенно касимовцы) были весомым геополитическим козырем в тюрко-исламском мире Евразии. После их крещения внешнеполитический смысл касимовского фактора был утрачен, что серьезно ослабило позиции России на пространстве от Украины до Китая.

Ценность Касимова была велика не только в роли кессона при плавной ассимиляции татарской служилой элиты. Еще значительней она была потому, что позволяла привлекать все больше тюрко-исламской знати на престижную службу России и тем усиливать русское влияние в Азии. Присутствие в Москве и Касимове потомков Чингисхана позволяло влиять и на монгольский мир, который вновь геополитически активизировался в первой половине XVII – первой трети XVIII в. (возникновение единого Джунгарского ханства, его панмонгольские претензии, соперничество с Китаем, экспансия в Казахстан и российское Поволжье). Иван Грозный и Борис Годунов полноценно играли ту же роль, что Тимур – регент при ханах-Чингисидах, которые царствовали, но не правили. Первые Романовы утратили эту роль, и Петру I при

⁶⁶ Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о касимовских царях и царевичах. Т. 3. 1887. С. 219.

всем желании уже трудно было вернуть себе уникальные возможности прежних собирателей Руси и победителей Золотой Орды.

Свержение ордынского ига в 1480 году означало переход России в контрнаступление на ханства бывшей Золотой Орды и постепенное неуклонное продвижение в восточном (Сибирь) и юго-восточном (Казахстан и Средняя Азия) направлениях. Характер этого продвижения определялся геополитическим положением России, сложившимся к этому времени. Тогдашняя Русь опиралась в своем развитии на треугольник восточноевропейских смешанных лесов с основанием Нева-Киев и острием у Волги между Нижним Новгородом и Казанью. На оси этого треугольника как раз и расположена Москва. Если смотреть из Нижнего Новгорода (в то время пограничного пункта) от слияния Оки и Волги, то за Волгой зона таежная, а за Окой – лесостепная с постепенным переходом в Дикое поле. Москва изначально ощущала себя центром путей общения и борьбы между западом, тайгой и кочевниками Дикого поля. При постоянной опасности с западного и юго-восточного направлений опорой для Москвы был обычно северо-восток: отсюда не угрожал ни ближний соперник (соседние великие княжества), ни внешний противник. В первой половине XVI века усиление опасности со стороны Крыма заставило создать укрепленную линию каменных кремлей по Оке. Аналогичные линии фортификации существовали только в зоне постоянной внешней опасности на западной границе. Напротив, на востоке и юго-востоке сильные каменные крепости существовали только в Казани, Астрахани, Тобольске и Верхотурье, что в целом объяснимо перспективами активного продвижения России вглубь Азии, стремлениями и возможностями такого продвижения. Однако недоразрешенность проблемы постордынских ханств продиктовала необходимость строительства засечных линий близ границы леса и степи: Белгородской, Тамбовской, Закамской, Сибирской, Сызран-

ской. Отдельные крепости выдвигались вперед по водным артериям: Астрахань или крепость Царев-Борисов на слиянии Оскола и Дона⁶⁷.

В царствование Анны Иоанновны начинается строительство полевых укрепленных линий в ковыльных и полынных степях Доуралья. Однако до того была укреплена Иртышская линия сибирской границы между Омском и Усть-Каменогорском. Как и до Урала, здесь соблюдался упоминавшийся выше принцип: сперва укрепляться в северо-восточном направлении, обходя степь с севера, лишь затем закрепляться юго-восточнее. Поскольку в степях, в отличие от лесов, засеки невозможны, строились максимально близко друг к другу сторожевые посты и малые крепости. Иртышская линия проникает вглубь степей вдоль водной артерии. Позднейшие западносибирские укрепленные линии 1737 и 1752 гг. постройки пересекали водоразделы от Иртыша к Тоболу. Первая окаймляла ишимские степи, вторая – «горькая» – шла по прямой от Омска на Иртыше и станице Звериноголовой на Тоболе. В 1730-е годы были построены линии от Царицына к Дону и весьма солидная Оренбургская. Кроме того, новая Закамская линия в Самаре стыковалась с Оренбургской; пролегла она по луговой лесостепи и границе лесостепи со степью ковыльной. Наконец, в 1787 году была построена линия укреплений от Камышина к реке Урал; она проходила по рубежу пустыни. И только еще через сто лет линии российских укреплений начали продвигаться в пустыни Казахстана и Средней Азии⁶⁸.

Гораздо легче оказалось уже к середине XVII века (через сто лет после взятия Казани) достичь Берингова пролива на Дальнем Востоке, чем укрепиться на юге Урала и Сибири, а тем более продвинуться в степи и пустыни центра Азии. Еще при Александре I (в первой четверти XIX века) Самарская губерния была слабо освоена русскими переселенцами, а Саратовская и того хуже. Грибоедовский Фамусов не шутил, когда грозился сослать дочку «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов». Генерал М. А. Терентьев справедливо напоминает, что губерния оставалась тогда за городской чертой Диким полем во власти бродяг, разбойников и, хуже того, лихих степняков-батыров (которые грабили и захватывали невольников). Таким образом, юная Софья Павловна рисковала очутиться на невольничьем рынке в Хиве, а там – и в гареме любой страны мусульманского Востока. (Реалии данного типа к югу от Москвы – в бассейне Черного моря – к тому времени успели отойти в прошлое.)

Сложившееся положение объяснялось целым комплексом геополитических факторов. В течение XVII века Россия восстанавливалась после Смуты, а в XVIII века вела активную борьбу в Балтийско-Черноморском регионе Европы. Активность во всех направлениях была, конечно, молодой Российской империи не под силу. Однако важность Востока для России отчетливо сознавал Петр Великий. Неслучайно он постарался утвердить государство на вершинах геополитического треугольника Прибалтика – Кавказ – Алтай. Прозорливость Петра I очевидна: в настоящее время данный треугольник признан как геополитически важная «Срединная зона»⁶⁹ России. Еще во время Северной войны он предпринял стратегическую «разведку боем» по западному берегу Каспия в направлении Ирана, а в 1714 году не только одержал историческую морскую победу при Гангуте, но и приказал Сенату разработать задачи изучения Средней Азии, путей в Индию и Восточный Туркестан. Наконец, в начале 1720-х годов (в момент провозглашения империи) Петр Великий поставил два ключевых по важности геополитических вопроса – казахстанско-среднеазиатский и джунгарский. Первый вопрос вытекал из насущной проблемы безопасности ураловолжских и сибирских границ России, но перерастал (по оценке самого Петра I) в проблему Казахстана как важнейшего континентального (если не мирового) фактора: в 1722 году Петр I определил Казахстан как одновременно «и ключ, и врата» Центральной и Южной Азии.

⁶⁷ Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 134–321.

⁶⁸ Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 134–321.

⁶⁹ Ивашов Л. Г. Россия и мир на пороге нового тысячелетия. М., 1998. С. 130–131.

Петр I планировал, разведав политически раздробленную и нестабильную Среднюю Азию и укрепив с ней связи, предложить ее правителям свое покровительство и военную помощь. Лишь стабилизировав регион и связи с ним, можно было рассчитывать на продвижение торговых связей и влияния России в направлении Индии. Однако военно-дипломатическая экспедиция князя Бековича-Черкасского в 1717 году в Хиву закончилась ее гибелью. Вслед за тем положение в степи осложнилось нашествием на Казахстан ойратов хана Галдан-Церена, разгромом и бегством казахов практически во всех направлениях. Сложившееся положение вызвало интерес и беспокойство Петра I, он приступил к изучению джунгароойратского вопроса и возможностей установления отношений с Джунгарским ханством. Он учитывал, что еще в 1636–1644 гг. на нижнюю Волгу вторглись ойраты во главе с ханом Хо-Урлюком, который осаждал Астрахань и там же погиб. В то время ослабленной Смутой России едва удалось отразить новое монгольское нашествие. Но после смерти Петра I эти его начинания относительно Джунгарии и Средней Азии продолжены не были. Его преемники ограничивались попытками отгородиться от степной анархии, которая с каждым годом лишь нарастала.

Неудача продвижения в Хиву и далее в Бухару не ослабила стремления закрепиться на рубежах Казахстана. Еще в 1714–1716 гг. со стороны Сибири экспедиция капитана Бухгольца двинулась в направлении Яркенда. Она не имела успеха, но тем самым доказала необходимость основания в 1716 году Омска и в 1718 году Семипалатинска. Аналогичным образом не удалась в 1720 году попытка отряда генерала Лихарева пройти из Тобольска вверх по Иртышу к озеру Зайсан. Однако на обратном пути этим отрядом был основан Усть-Каменогорск. В 1720–1721 гг. в Бухару было организовано посольство во главе с секретарем Ориентальной комиссии Посольского приказа Флорио Беневени. Из-за беспорядков в Бухаре посольству не удалось добиться ощутимых дипломатических успехов, но информация о положении в Средней Азии была собрана существенная.

Многочисленные конкретные данные убедили Петра I в необходимости и возможности утверждения прочного влияния Российской империи в дезорганизованном регионе, нестабильность которого была чревата серьезными проблемами для России уже тогда и более чем реальными опасностями в перспективе. Не секрет, что на рубеже 1630–1640-х гг. чуть более энергичное нашествие ойратов на Россию, ослабленную Смутой и незавершенными войнами с Польшей и Швецией на западе, могло обернуться катастрофой (и действительно едва не обернулось). Дело в том, что еще в 1621 году джунгары-торгоуты перекочевали в долины Оби, Иртыша и Тобола, но там не задержались и в 1628 году заняли пространство между реками Урал и Волга. Русское правительство поначалу никак этому не препятствовало, рассчитывая воспользоваться этими ойратами как щитом против беспокойных казахов. Расчеты эти оказались поспешными: ойраты (калмыки) вели себя как завоеватели. И если бы их правитель Хо-Урлюк не погиб в 1644 году при осаде Астрахани, попытка возродить подобие Золотой Орды могла создать России очень серьезные проблемы. Хотя еще в 1636 году с ойратами был заключен обстоятельный мирный договор, в 40-е гг. он был серьезно нарушен. Российская империя Петра I также не могла пренебречь данного рода опасностью. Достаточно вспомнить, что башкиры (в то время народ более чем воинственный) в 1707 году разорили все поселения до самой Казани. Их пытались было окружить линиями укреплений, но и эта мера помогла мало. Впоследствии во время башкирских мятежей ничего иного не оставалось, как использовать против них соседей-казахов.

АБУЛХАЙР ХАН, положивший начало принятия российского подданства казахскими жузами (племенами). К 1734 г. все три жуза (младший, Средний и Старший) приняли российское подданство.

Но доступ в Среднюю Азию с уже завоеванных рубежей – Каспия и Сибири – оказался мало реален по причинам, прежде всего, географической удаленности и труднодоступности. На Каспий выходят пустыни Туркмении, а действия с сибирского направления (как доказала и позднейшая практика XIX века) координировать из центра практически невозможно. Внимание поэтому сосредоточилось на уральском направлении, предполагавшем в первую очередь укрепление позиций России в степях Казахстана. Избранный средний путь оказался хотя и реальным, но исторически длительным и труднейшим.

Ханы казахские уже в 1717-1718 гг. обращались к Петру I с просьбами принять их в российское подданство⁷⁰. Авторитет Петра I в степях Казахстана был настолько велик, что и казахские ханы, и хан Хивы искали покровительства России. Однако в то время реализовать потенциальные возможности влияния в Казахстане не удалось. Вскоре положение в Казахстане и Средней Азии обострилось до предела. Джунгары (ойраты) разорили Казахстан и вынудили все «орды» казахов бежать к югу и западу. Малый жуз покинул бассейн Сырдарьи и ушел на Урал и Эмбу. Почти весь Старший жуз с частью Среднего покорился джунгарскому хану Галдану, большая часть этих орд бежала в направлении Самарканда, меньшая – Бухары и Хивы. Не остановившись и там, все три орды двинулись к северу и оказались прижаты к новым границам России. В середине 1730-х гг. о переходе в подданство России заявили Малая и Средняя казахские орды (жузы), граничившие с Россией южнее Урала и в Сибири. Их номинальное подданство, однако, создало не меньше новых проблем, чем было старых. Началась многолетняя борьба Российского государства со степной анархией, с которой долгое время по-настоящему не знали, как разобраться. Когда хан Абулхайр подчинился влиянию России, оказалось, что на местах ему не подчиняются и авторитет ханской власти у казахов весьма низок. Порядка и стабильности поддержка ханской власти не обеспечивала. С целью упрочения влияния России

---

⁷⁰ В 1717 году Тауке хан обратился к Петру I с просьбой принять казахов в российское подданство, но без выплаты ясака, исполнения повинностей и при сохранении власти хана. Петр I сразу же оценил значение Казахского ханства во внешней политике России: «*Всем азиатским странам и землям оная орда ключ и врата, и той ради причины оная орда потребна под Российской протекцией быть*». Источник: <https://e-history.kz/ru/news/show/28590/> © e-history.kz.

в Казахстане оренбургские губернаторы Кириллов, Татищев и Неплюев последовательно расширяли пределы России в Приуралье, соединили укрепленной линией Омск и Уральск, приняли меры к земледельческой колонизации края. Этого пытались добиться благодаря неплохим отношениям с казахским ханом Абулхайром. Последний обязался охранять границы России со стороны степи, защищать купеческие караваны, платить дань, оказывать России содействие своими иррегулярными войсками. Взамен он добивался признания ханского титула и прав за своими потомками.

Но как показала дальнейшая практика, ни потомки Абулхайра не были достойны ханского звания, ни сам институт ханской власти не обладал достаточным авторитетом в глазах казахского общества. Ставка правительства России на легитимность ханской власти и ее поддержку лишь обостряла убоицы и беспорядки в степи, вызывала недовольство народа и тем самым подрывала авторитет Российской империи. Как и следовало ожидать, в эти беспорядки начали вмешиваться хивинские ханы. До поры до времени удавалось сбалансировать положение края в режиме неустойчивого равновесия лишь противопоставлением друг другу в кризисной обстановке трех кочевых народов – башкир, казахов, калмыков. Стабильность южно-уральского приграничья была в первой половине XVIII века столь мала, что даже г. Оренбург никак не мог найти себе постоянного места: каждый новый губернатор менял его местоположение, и в результате он заслужил тюркское прозвище Яман Кала (Дурной Город). Дурной «нрав» Оренбурга был в конечном счете преодолен: город утвердился на нынешнем месте, его прежнее местоположение занимает Орск. Куда труднее оказалось преодолеть незрелость российской геополитики в отношении казахов. Как раз в 1734–1736 гг. они активизировали набеги на Оренбург, причем возглавил их сам хан Абулхайр; Орск попал едва ли не в постоянную осаду. Фактически повторилась история столетней давности с набегами ойратов (калмыков) Хо-Урлюка на Астрахань. Для содействия русской армии пришлось привлекать башкир, используя беспокойных подданных против не менее беспокойных соседей. Относительно планомерная деятельность оренбургского губернатора Кириллова после его смерти в 1737 году, по замечанию генерал-лейтенанта М. А. Терентьева, в русле взглядов его преемников пошла как попало. В 1738 году губернатор Татищев оказал малоавторитетному Абулхайру чрезмерные почести, принимая последнего; авторитету самой России тем самым нанесен был ущерб, была продемонстрирована слабость российской власти. Эта самая слабость приграничной российской власти, подчеркивает генерал Терентьев, была не столько физическая, сколько информационная, умственная: вместо силовой стратагемной дипломатии получилась «игра в куклы». Мало того, в роли куклы оказалась российская сторона, просившая на переговорах то, что могла бы и потребовать. Дело дошло до анекдотического курьеза: сочли, что раз при заключении договора с Россией хан Абулхайр «стоял на коленях», то его подчинение очевидно. На деле, естественно, все обстояло наоборот: хан удобно сидел по принятому у казахского и других народов региона обычаю, а о покорности не было и речи. Он «присягал» России в 1732, 1738, 1748 гг. всегда с одним и тем же результатом. В 1739 году он успел установить аналогичные отношения с захватившим Хиву знаменитым персидским завоевателем Надиршахом, чуть позднее – с джунгарским ханом. В этой связи логичны два замечания В. В. Григорьева: «Именно потому и не двигались мы в Средней Азии в течение XVII века, что знакомы были с нею тогда гораздо ближе, чем в последующем столетии...» и «...глубокими познаниями тогдашнего политического положения стран Средней Азии Петр обладал первым и последним среди наших государственных деятелей XVIII века»⁷¹.

Генерал Терентьев⁷² усматривает в дальнейшей политике России три главные ошибки. Во-первых, выбор и поддержка ханов лишь из рода Абулхайра противоречили казахским обы-

⁷¹ Григорьев В. В. Русская политика в отношении к Средней Азии. СПб., 1874. С 4, 12.

⁷² Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. 1. С 55.

чаям в принципе и настроениям народа в частности (Абулхайра ненавидело большинство народа). Во-вторых, при этом казахам хотя и не прямо, но навязывали наследственную ханскую власть по принципу первородства (когда титул переходит к старшему сыну), в то время как у казахов наследником в аналогичных случаях является следующий по старшинству брат. Наконец, в-третьих, стеснение воли народа в вопросах верховной власти создавало России одни неприятности и не прибавляло симпатий. При этом чисто номинальное «данничество» сопредельных правителей Малого жуза влекло за собой одни лишь расходы казны. В отличие от Оренбурга, Омск не вмешивался так и до такой степени во внутренние дела сопредельной с Сибирью Средней Ордой – и неприятностей имел на порядок меньше. Еще одна серьезная ошибка многих приграничных администраторов заключалась в стремлении регулярно посылать в степь летучие отряды, способные отбивать награбленное во время набегов, освобождать пленников или брать заложников для обмена. Меры эти генерал Терентьев характеризует как по сути недопустимые: к уже существующей в степи анархии, грабегам, усобицам, кровной мести прибавлялись обиды невинно пострадавших от карательных рейдов (грабили и вовремя уходили одни, под горячую руку попадали другие). И действительно, старые счета путались с новыми, все стороны беднели с каждым годом.

В середине XVIII века приуральская степная политика России практически зашла в тупик. Попытки удерживать субсидии, обычно предоставляемые ханам, оказались безрезультатными. Встал вопрос: Россия ли отступит к Волге или казахи отойдут от Урала. В это время (1755) вновь разразился бунт в Башкирии. И тогда губернатор Неплюев предпочел впустить туда калмыков, татар, мещеряков. Когда же башкиры побежали в степи Казахстана, за них взялись казахи. Казалось бы, расчет Неплюева оправдался: два беспокойных народа были взаимно ослаблены. Но на деле усобицы и вооруженные конфликты не только не прекратились, но продолжались еще очень долго и стоили России немалых потерь и затрат. Издержки России были сокращены лишь частично. Однако и при Елизавете Петровне, и при Екатерине II к подобным мерам прибегали, не находя лучших. Критика этих мер с позиций абстрактного гуманизма была несерьезна: по определению М. А. Терентьева, эти «не русские патриоты забыли и время, и пространство»⁷³, в которых указанные события происходили. Критиковать же, напоминает генерал Терентьев, нужно было совсем другое: «мероприятия правительства, лишенные устойчивости».

Эти «мероприятия», с одной стороны, подразумевали мало чем ограниченные уступки губернатора Неплюева сопредельным казахам. В частности, по первому их требованию шли на замену одних аманатов (знатных заложников) другими (в конце концов согласились на трехлетнего ребенка). С другой стороны, к менее достигаемой и территориально отдаленной от границ России Хиве было применено забавное решение: хивинский хан Каип, «по рассуждению Коллегии иностранных дел, в презрении [должен быть] оставлен». Мера эффективности столь оригинального решения не была ясна ни современникам, ни позднейшим исследователям.

Неустойчивость и непоследовательность степной политики России в середине XVIII века привела к тому, что решили было оцепить Орду укрепленными линиями по рекам Волге, Уралу, Самаре, Тереку. Однако Семилетняя война помешала этой попытке скопировать Великую Китайскую стену (которая, как известно, надежной защиты от набегов кочевников не гарантировала практически никогда). При Екатерине II были исправлены лишь некоторые ошибки предшествующей практики: отказались от попыток ускоренного перевода казахов к оседлой жизни (решение исторически обоснованное) и военных мер воздействия на агрессивные группы кочевников (решение, в принципе, неоправданное). Попытались было тогда же открыть в степи школы и учредить третейский суд, но то и другое не прижилось, и казахами было проигнорировано. Непоследовательность касающейся их российской политики вызывала

⁷³ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. 1. С. 161.

в казахах откровенное недоверие. Оно еще больше возросло, когда в 1780-е гг. сначала предложили казахам внутреннее самоуправление в соответствии с их традициями, а затем вновь решили признать над ними власть хана. Потеря доверия определила неизбежное фиаско всех административных начинаний. К восстановлению традиционного внутреннего самоуправления казахов вернулись уже... в 1871 году. В XVIII же веке преобладали в лучшем случае мероприятия «бесспорно прекрасные, но либо дурно осуществленные, либо вовсе невыполнимые». В худшем случае поддержка (в 1791 г.) хана Ирали вместо умершего Нурали спровоцировала в степи ожесточенную усобицу, а также сопутствующие анархии нападения на новую пограничную линию России. Еще худшую ситуацию вызвало возведение на полузаконный ханский престол Айчувака – престарелого и глухого внука самого Абулхайра. Трудно усмотреть логику и в замене одного неавторитетного хана семью еще менее авторитетными и еще более ненавидимыми народом султанами.

Аблай (1711-1781) Абилмансур

Потомок Жангир-хана в пятом поколении. В августе 1740 году вместе с ханом Среднего жуза Абилмамбетом и 120 старшинами Аблай приехал в Оренбург и дал согласие о принятии российского подданства.

Насколько была противоречива политика оренбургской администрации в отношении Малой Орды, настолько же и политика омской администрации в отношении Средней Орды была непоследовательна. Для предотвращения угрозы Тобольской губернии со стороны Джунгаро-ойратского ханства в 1740-х гг. было принято решение соединить укрепленные линии Южного Урала и Западной Сибири. Однако в отношении самих казахов, которых громили джунгары, никаких по-настоящему определенных решений не приняли. В 1755 году не были налажены должным образом отношения с ханом Средней Орды Аблаем – политиком способным и авторитетным. Тот был поначалу союзником последнего джунгарского правителя Амур-саны. Когда же тот пошел на сближение с Китаем, Аблай попытался обратиться к приграничной администрации с просьбой укрыть подвластное ему мирное население на российской территории. В этом ему было отказано. И хотя уже через год (в 1756 г.) указ отменили, исправить промах не удалось. До конца своей жизни (1781 г.) Аблай расчетливо лавировал между Россией и цинским Китаем, прочно утвердившимся в центре Азии – Монголии, Тибете и Восточном Туркестане (отношения Средней Орды с Китаем во второй половине XVIII века были даже лучше, чем с Россией). Но фактически, пользуясь поддержкой двух континентальных держав, хан Аблай, по сути, никакими обязательствами себя не связывал. После 1778 года пригра-

ничные власти пытались восстановить против Аблая других казахских ханов, но этим лишь дестабилизировали степь и повредили позициям России в регионе. На сближение с преемниками Аблая пошли только в 1795–1797 годах. После их смерти (Букея в 1819 г. и Вали-хана в 1821 г.) по инициативе Сперанского (тогда генерал-губернатора Западной Сибири) институт ханов был упразднен. Степь была в первой четверти XIX века поделена на округа и волости с сохранением традиционных начал самоуправления. С тех пор старшие султаны избирались на три года в качестве начальников округов и управляли при помощи советов («диванов»). Лишь после этих существенных событий конца XVIII – начала XIX века Средняя Орда окончательно сблизилась с Россией и отделилась от Китая. Реформа ее устройства и порядков позволила в 40-е гг. локализовать мятеж Кенисары Касимова (который все же продлился несколько лет) и постепенно его подавить.

Самое непростое положение создалось в XVIII – первой половине XIX в. на территории Большой Орды южнее двух предыдущих – в бассейне Сырдарьи и оз. Балхаш. Ханов там никогда не было, правил Ордой ряд султанов. В бассейне Сырдарьи Орда поначалу контролировала такие города, как Ташкент и Туркестан. В середине XVIII века, когда пало Джунгарское ханство, Орда разделилась: часть ее переместилась в кочевья Джунгарии, часть – к Балхашу и реке Чу. Казахи Большой Орды настолько досадили к концу столетия всем своим соседям, что были вынуждены под их давлением рассеяться в семипалатинско-сибирском и акмолинско-уральском направлениях. Те, кто остался в бассейне Чу, в 1798 году были покорены правителем Ташкента. А поскольку в 1814 году Ташкент подчинило себе Кокандское ханство, остаток Большой Орды также подчинился Коканду. Коканду не подчинились остатки Большой Орды у рек Чу и Или, а также близ гор Алатау. В 1819 году правивший в Средней Орде сын Аблая обратился к России за покровительством. Тогда же пограничные с Китаем остатки Большой Орды (часть которой ранее смешалась со Средней) также получили содействие России: для их защиты построили крепость Копал. Однако до самого 1847 года власти России мирились с претензиями Китая на территории к востоку от Балхаша. Лишь тогда было принято за данность, что это земли подданных России – казахов.

В то же самое время пришлось принимать меры и против претензий Коканда на подчинение казахов. Стоило казахам и киргизам начать подчиняться России, как в их землях появились кокандские сборщики налогов. В 1850 году из Копальской крепости начали посылать отряды для оттеснения кокандцев, а в 1854-м было основано укрепление Верное – впоследствии Алма-Ата, что сделало возможным соединение Оренбургской и Сибирской укрепленных линий. Стабилизация российской власти в степи позволила в 60-е гг. провести здесь административную реформу по проекту генштабистов генерала Гутковского, полковников Проценко и Гейнса. Было утверждено широкое выборное начало, упразднены султаны, «белая кость» (степная знать) лишилась властной монополии. Стабилизация казахских степей позволила в конце 50-х и в течение 60-х гг. преобразовать данные территории в области под контролем МВД, а не военной администрации. Так завершился к 1873 году 139-летний период упрочения влияния России в степях Казахстана. Около 100 лет при этом, напоминает генерал Терентьев, было потеряно на поддержку формально полномочного, но фактически лишнего авторитета института ханской власти. В то же самое время к концу XVIII века Россия отгородилась от степи следующими укрепленными линиями: Уральской длиной 700 верст, Оренбургской в 1100 верст, Ишимской (Горькой) в 600 верст, Иртышской в 1100 верст. (Всего эти линии включали 48 крепостей и 96 редутов.) Но среди этих линий были и такие, которые «свисали, как люстры с потолка» в меридиональном направлении и между собой были слабо связаны. В результате агрессивная часть сопредельных кочевников получала удобные коридоры для вторжений.

Главная же проблема, признавал еще в 40-е гг. оренбургский губернатор генерал Обручев, пока не могла быть решена именно потому, что летние кочевья казахов находились на

землях России, тогда как зимние – на землях Хивинского ханства. Без подчинения в той или иной степени Хивинского ханства влиянию России о полной стабильности и порядке в Казахстане оставалось только мечтать. Нерешенность хивинской геополитической проблемы в 1820-е гг. дополнилась и усугубилась проблемой кокандской. Возникшее в XVIII веке на территории в основном Ферганы Кокандское ханство усилилось и становилось все агрессивнее. Оно завладело Ташкентом, укрепились в бассейне Сырдарьи (где возникла целая цепь кокандских крепостей) и резко активизировалось в Казахстане; набеги кокандских войск в направлении российских границ становились все более дерзкими. Русские укрепления и станицы внутри степи служили, по определению генерала Терентьева, неплохими «громоотводами» внутренней нестабильности Казахстана, но не кардинальным решением проблемы внешней безопасности степных регионов. В то же самое время активизация двух сопредельных с Казахстаном и далеко не дружественных России ханств – Хивы и Коканда – с первой половины XIX века подстегивалась интригами Англии в Афганистане, Бухаре и обоих ханствах и даже попытками конкретной поддержки (в том числе военно-технической). Активность Англии нарастала в ходе Первой афганской войны, а затем войны Крымской.

Следует отметить, что против кокандского господства в первой половине XIX века не единожды восставали за Балхашем казахи Старшего жуза (Большой Орды). После этих неудачных восстаний Семиречье (территория данного жуза) перешло под покровительство России. В 1860 году русские войска и казахские ополченцы вместе защищали от кокандских войск г. Верный, и после победы над кокандцами при Узун-Агач все Семиречье перешло в состав России. Тем самым многовековое соседство России с Казахстаном завершилось его окончательным вхождением в Российскую империю.

Кардинальное решение среднеазиатской проблемы последовало после поражения России в Крымской войне и последующего переноса центра тяжести Восточного вопроса с Ближнего Востока в центр Азии. Глобальная и региональная активность Англии после подавления восстания сипаев и ужесточения колониального режима в Индии повлекли за собой активизацию британской геополитики и в сопредельных странах, которые рассматривались Лондоном в качестве гласиса англо-индийской крепости: в Афганистане, Иране, Синьцзяне и ханствах Средней Азии. Хроническая нестабильность Средней Азии (когда только за г. Ура-Тюбе Бухара и Коканд воевали в первой половине XIX века пятнадцать раз), интриги ханов Хивы и Коканда в Казахстане – для России небезопасные сами по себе – как орудие британской геополитики перерастали в качественно серьезнейшую угрозу. Британский фактор подтолкнул Россию к продвижению в Среднюю Азию из Казахстана. С целью локализации агрессивного Кокандского ханства в 1862 году была занята восточная кокандская крепость Пишпек (ныне Бишкек), в 1863–1864 гг. – Туркестан, Чилик, Аулие-Ата (позднее – Джамбул), в 1865 г. войска генерала Черняева взяли Ташкент (автономную территорию Кокандского ханства) и нанесли поражение бухарским войскам. В следующем, 1866 году были заняты бухарские укрепленные города Ура-Тюбе, Джизак, Ходжент и тем самым Коканд был изолирован от Бухары.

В 1867 году было учреждено Туркестанское генерал-губернаторство во главе со знаменитым реформатором Средней Азии генерал-адъютантом К. П. фон Кауфманом. В 1868 году русские войска заняли и удержали в боях с войсками эмира бухарского крепость и священный город Самарканд – некогда столицу державы Тимуридов, культурный центр Средней Азии. (Самарканд стал центром новообразованного Зеравшанского округа, впоследствии – Самаркандской области.) В контексте этих достижений стала возможной административная реформа не отдельных территорий, а всей зоны казахских степей в целом. В 1867 году одновременно с Сырдарьинской областью (центр – Ташкент) была образована Семиреченская в составе того же Туркестанского генерал-губернаторства. В следующем, 1868 году (синхронно присоединению Самарканда) были образованы две казахские области Оренбургского генерал-губернаторства (Уральская и Тургайская) и две области Западно-Сибирского генерал-губернаторства (Акмо-

линская и Семипалатинская). Отсюда очевидно, что стабилизация Казахстана и системы его управления была достижима лишь в комплексе со стабилизацией и преобразованием Средней Азии. До присоединения последней Казахстан оставался своего рода буферной полузависимой территорией, источником многочисленных проблем для многих поколений русских политиков и военных.

В 1873 году были решены последующие проблемы: занята Хива и по мирному договору хан признал верховную власть русского императора; подчинен Коканд практически на тех же условиях. Но если в Хиве положение стабилизировалось сразу, то в Коканде вспыхнула трех-летняя усобица, деспот Худояр-хан был свергнут своими родственниками и скрылся в пределах России, Коканд вышел из-под контроля. В 1876 году войска генерала М. Д. Скобелева подавили мятеж в Коканде. Учитывая полное банкротство политического режима Коканда, ханство было решено упразднить и включить в Туркестанское генерал-губернаторство в качестве Ферганской области.

Напротив, в бассейне Амударьи Хивинское ханство и Бухарский эмират сохранились как вассальные монархии. Но пограничной с Казахстаном Хиве было запрещено иметь армию, а вооруженные силы Бухары, отделенной от Казахстана территорией Хивы и Туркестанского генерал-губернаторства, были предельно ограничены; их, однако, было достаточно, чтобы с помощью России противостоять афганцам и стоящим за ними англичанам.

Михаил Дмитриевич СКОБЕЛЕВ (1843-1882) – выдающийся русский военный начальник и стратег. Участник среднеазиатских завоеваний Российской империи и Русско-турецкой войны 1877-1878 годов, освободитель Болгарии. В историю вошел с прозвищем «белый генерал», что всегда ассоциируется в первую очередь именно с

ним, и не только потому, что в сражениях он участвовал в белом мундире и на белом коне.

На восточной границе Туркестана в 1864–1878 гг. Синьцзян (Восточный Туркестан) отделился от Китая, ослабленного восстанием тайпинов. В его части южнее Тянь-Шаня возникло в 1865 году государство Йеттишар (Семь Городов) во главе с Якуб-беком – бывшим комендантом Ак-Мечети (сильнейшей кокандской крепости на Сырдарье, к тому времени взятой российскими войсками). Йеттишар и его незаурядный правитель вызывали определенное беспокойство не столько даже у туркестанского командования, сколько у МИДа в Петербурге. В 1871 году по согласованию с правительством императорского Китая русские войска из Семиреченской области заняли в верховьях реки Или область г. Кульджи и контролировали его десять лет. Лишь в 1881 году по Санкт-Петербургскому договору Илийский край Синьцзяна был возвращен Китаю (государство Якуб-бека было уничтожено китайцами еще в 1878 году). Управление Илийским краем было настолько гуманным и продуманным, что едва ли не большая часть населения ушла с русскими войсками.

На западной (каспийской) оконечности Туркестана нестабильность сохранялась до начала 1880-х гг., а мелкие местные правители и просто главари разбойников продолжали свои традиционные набеги на сопредельные земли, грабежи, пиратство на Каспии, захват невольников, работорговлю. В 1880–1881 гг. в ходе Ахалтекинских экспедиций генерала М. Д. Скобелева туркменские земли были подчинены России. Но, отделенные от Туркестанского генерал-губернаторства территориями Бухары и Хивы, они не могли управляться из Ташкента и потому были переданы в ведение властей Закавказского края. Контроль над Туркменией был установлен не одномоментно: лишь в 1884 году к России присоединился Мерв (Мары). Годом позднее произошло столкновение с афганскими отрядами у Кушки. Войска генерала Комарова одержали победу в этом бою местного значения, и южная граница Русского Туркестана стабилизировалась на широте Кушки. Еще десять лет понадобилось для стабилизации границы края в верховьях Амударьи – реки Пяндж. В 1895 году по договору между Англией и Россией Афганистан вернул Бухаре захваченные ранее районы Памира, и основная часть его отошла под контроль России. Первым Памирским отрядом русской армии командовал капитан В. Н. Зайцев, в прошлом туркестанский адъютант генерала М. Д. Скобелева (впоследствии – в начале XX века – начальник Ошского уезда Ферганской области и... тесть капитана А. Е. Снесарева – в свою очередь начальника Памира в 1902 году).

Целый ряд авторитетных специалистов, знакомых со Средней Азией практически и по многу лет, не считали указанное разрешение среднеазиатского вопроса окончательным. Так, генерал Л. Ф. Костенко еще в 1871 году указывал, что логичным было бы дальнейшее продвижение России до Гиндукуша, то есть присоединение Афганского Туркестана с проведением вполне естественной границы народов и зон политического влияния великих держав. «Наша задача, – писал он, – стать хозяевами по сию сторону Гиндукуша»⁷⁴. Генерал М. А. Терентьев придерживается того же мнения, но признает, что с прекращением в 1881 году активной деятельности ген. Кауфмана закончился «героический период» освоения Туркестана, хотя и до того много десятилетий инициатива местных властей и командования сдерживалась столицей и МИДом в интересах «сердечного согласия» с европейским «концертом». Даже для лучших дипломатов XIX века (включая прежде всего Горчакова) Туркестан оставался досадным препятствием на западном направлении внешней политики. Дело доходило до получения генерал-губернатором Кауфманом более чем странных инструкций министра иностранных дел Горчакова. Так, генерал Терентьев цитирует на тот момент (Вторая англо-афганская война) секретную депешу: «...не увлекаться перспективой того первенствующего значения в Сред-

⁷⁴ Костенко Л. Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1871. С. 353.

ней Азии, которое мы за собой закрепили» (?!). Напротив, многим государственно-мыслящим специалистам была понятна мысль М. А. Терентьева: *«Будь мы вовремя сильны в Средней Азии, многого могли бы достигнуть и на Балтике, и в Азии Малой»*⁷⁵.

При этом до сих пор непонятно, по какой из двух причин тот же Горчаков в беседе с Кауфманом не советовал последнему продвигаться из Ташкента в Хиву через... Кашгар: то ли это и вправду поразительное незнание географии Азии («на это у меня есть Стремоухов» – начальник Азиатского департамента МИД), то ли тонкий намек (он же опасение) на вполне логичный геополитический балансир – Кашгар в деле подчинения Хивы. И хотя, скорее всего, прав генерал Терентьев, и Горчаков ухитрился перепутать Коканд с Кашгаром, весьма возможен и второй вариант (в случае, конечно, его оглашения самим Кауфманом; сам Горчаков никогда бы и не задумался о данной возможности, напоминая Кауфману: «Меня только заботит, чтобы не восстановить против себя Англию»⁷⁶).

Дело в том, что генерал Кауфман в своей среднеазиатской политике неплохо следовал некоторым традициям великого Тимура (Тамерлана), а тот в конце жизни как раз и поставил под контроль Кашгар – для скорейшего подчинения Монголии и Китая. То и другое было необходимо Тимуру для континентального геополитического уравнивания восстановленной им державы Александра Македонского возрождением в том или ином объеме державы своего предшественника и кумира Чингисхана. В свою очередь, именно в период ввода ограниченного контингента войск Кауфмана в Синьцзян прорабатывался вопрос ограниченной войны с Китаем, в связи с чем Н. М. Пржевальский (находясь в Урге – нынешнем Улан-Баторе) даже составил план операции на Пекинском направлении⁷⁷.

Итак, оговорка Горчакова могла быть не ошибкой, а знаком определенной обеспокоенности и подозрительности государственного канцлера империи. Горчаков не мог не знать, например, что туркестанской элите генерал Кауфман демонстрировал «золотую грамоту» – высочайшее удостоверение своих государственных полномочий, соответствующим образом по-старинному оформленное. А туркестанская знать с трепетом воспринимала сей документ наподобие как минимум «ярлыка» великих татаро-монгольских ханов. Генерал Терентьев, сам видевший эту грамоту, приводит ее описание. Написанная золотыми буквами и заверенная красной подписью Александра II, в золотом переплете и прошитая толстыми золотыми шнурами, грамота была скреплена красной восковой печатью и помещена в массивный серебряный ковчег. Эту «Золотую книгу» именитые туркестанцы небезосновательно расценивали как символ страшной власти, данной генерал-губернатору, которого они называли не иначе как «Ярым падишах» («наполовину император»). То, что в Кауфмане видели «вице-короля» Туркестана, неудивительно. Важно другое: почему золотую грамоту именовали «книга». Очевидно, не из-за массивности ее ковчега: образ «золотой книги» восходит к Тимуру и его государственности, о чем сообщает посетивший Самарканд в XIV веке португальский военный разведчик и дипломат Руис Гонсалес де Клавихо⁷⁸.

«Золотая грамота» потому и воспринималась благоговейно, что ее семантика не вызвала сомнений: могущественный генерал-губернатор представлял власть Белого царя. Понятие «Белый царь» возникло во времена Василия III⁷⁹ (к нему первому относится данный эпитет), при котором окончательно распалась Золотая Орда, пало иго, и Россия принялась широкими шагами осваивать Евразию – «Тартарию» и державно собирать *Rex Mongolica* под свою власть.

⁷⁵ Терентьев М. А. Указ. соч. Т. 2. С. 517.

⁷⁶ Терентьев М. А. Указ. соч. Т. 2. С. 423.

⁷⁷ Зотов О. В. Евразия на путях в Китай: экзамен у Сунь-Цзы (о планах похода в Китай Тамерлана и Пржевальского) // Вестник Евразии. 1996. № 1 (2).

⁷⁸ Терентьев М. А. Указ. соч. Т. 1. С. 384; Тамерлан: эпоха, личность, деяния. М., 1992. С. 328.

⁷⁹ Трепавлов В. В. Статус «Белого царя»: Москва и татарские ханства в XV – XVIII вв. – Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993. Ч. 2. С. 306–307.

Изначально Белым царем именовался хан Белой Орды – владений старшего сына Чингисхана – Джучи на территории нынешнего Казахстана; ее старшинство признавала и Золотая Орда. Последняя держава, объединявшая до России Казахстан и Среднюю Азию, – ханство Шейбанидов (XVI в.) – потомков старшего сына Джучи, Шейбана. Присвоив геополитическое наследие Джучидов и Шейбанидов, Россия выступала как перевоплощение Белой Орды во главе с Белым царем и... в лице Белого генерала (кстати, не по этой ли причине данный эпитет был отнесен к М. Д. Скобелеву?).

Неплохое знание принципов политики Тимура (и конкретных примеров этой политики) Кауфман проявил в одном эпизоде общения с хивинским ханом. Так, 18 (30) января 1870 года он направил хану послание: «...Одно из двух: или мы будем друзьями, или врагами. Если я не получу ответа, то приду и возьму его». А это едва ли не буквальное повторение грозного послания Тимура китайскому императору Чжу Юань-чжану в 1395 году: «Вы хотите моей дани – я сам лично ее принесу». Правительство же в целом и МИД в частности весь XIX век были обеспокоены самой возможностью малейших трений в отношениях как с Англией, так и с Китаем. Отсюда постоянная боязнь «последствий» несанкционированной инициативы военных администраторов и командующих на местах.

Оценить степень адекватности российской геополитики в Средней Азии можно и должно, приняв за главный критерий взаимное соответствие либо несоответствие масштабов стоявших перед империей исторических задач и масштабов конкретного мышления и действия исторических деятелей. Очевидно, что логика борьбы за освобождение Руси от татаро-монгольского ига неизбежно вела к поглощению Золотой Орды и производных от нее государств, коль скоро сосуществование с ними никак не получалось мирным. В последний раз данный вывод пришлось сделать в 1859 году, когда долгие переговоры с Хивой и Кокандом окончательно зашли в тупик. Но простая неудобосовместимость России с постордынскими государствами всего не объяснит. *Глобальная стабильность и державность (или державная стабильность) России требовала контроля над Сердцем Земли (Heartland). Впервые преимущества такого контроля продемонстрировал, пожалуй, Тимур. Он за тридцать лет (1370–1400) сформировал сверхдержаву с прочным континентальным ядром Средней Азии, Ирана плюс Деист-и-Кипчака – степей Казахстана. Это ядро практически неуязвимо с океанских и морских направлений. Россия как евразийская континентальная империя не могла не искать опоры именно в этом ядре.* Ее собственное ядро в бассейне Волги относится к тому же типу бессточных – именно в этом смысле – речных бассейнов (то есть не имеющих стока в теплые моря). Чисто прагматические преимущества обладания Сердцем Земли очевидны и оправданны; они включают основные территории России между Ледовитым океаном и Каспием, Днестром и Леной. Чтобы прочно утвердиться в центральноазиатском средоточии Сердца Земли, начальник Азиатского департамента МИД генерал Е. П. Ковалевский и предложил (после провала переговоров с Хивой и Кокандом в 1859 году) полностью и окончательно соединить Оренбургскую и Сибирскую укрепленные линии. Однако само их соединение потребовало установления контроля над Средней Азией, что упраздняло дальнейшую необходимость самих этих линий.

Но кроме чисто прагматических аспектов геополитики есть и аспекты более чем значимые – духовно-ценностные, чисто гуманистические. Макиавелли был прав, когда напоминал, что люди важнее денег и оружия (то и другое без них мертво). Задолго до Макиавелли эту идею по-своему выражал Конфуций; высказывали ее многие классики. *Ахалтекинский приказ № 279 генерала Скобелева гласит: «Из рабов мы должны сделать людей: это ценнее всех наших побед»*⁸⁰. Как это ни странно на первый взгляд, воинственный и жестокий Тамерлан преследовал, по сути, те же цели, что впоследствии и русские политики, и военачальники в Средней

⁸⁰ Скобелев М. Д. Приказы. С. 117.

Азии. Так, историк-евразиец Бицилли (1922) считает, что Тимур «разрушал ради созидания... великой культурной цели – объединения Старого Света». Однако еще в 1900 году А. Е. Снесарев четко поставил вопрос о реальном гуманизме Тимура, чья деятельность не сводилась к разрушению (хотя бы и ради созидания)⁸¹. В условиях перманентной войны всех против всех (что это такое, он мог рассказать лучше Гоббса), в которых он родился и вырос, Тимур развернул свою партизанскую войну за справедливость. Начав ее в масштабах волости, он расширил ее до размеров континента. И действительно, в объединенной Евразии на время притихли усобицы, беззаконие и грабежи, наступил расцвет культуры эпохи Тимуридов. Генерал Терентьев резонно напоминает, что Средняя Азия после Тимура и Тимуридов (и особенно в Новое время) в состоянии анархии безусловно деградировала; энергия ее «полураспада» была способна разрушать и соседей.

А. Е. Снесарев с группой сослуживцев ТуркВО. 1901-1903 гг.

Если взглянуть на историю Казахстана и Средней Азии IX–XIX вв., то за целое тысячелетие регион едва ли стабильно и конструктивно объединялся в среднем хотя бы на 60 лет. Известны, конечно, примеры государств Саманидов, Тимуридов и Шейбанидов. Но от Саманидов, просуществовавших 120 лет при несомненном подъеме культуры, нас отделяют одиннадцать веков. Шейбаниды продержались почти весь XVI век, но на невысоком культурном уровне. Тимуриды выдержали всего 62 года, а вместе с Тимуром – менее ста. Все остальное время преобладала разрушительная раздробленность. Совсем не случайно А. Е. Снесарев характеризует Казахстан и Среднюю Азию до вхождения в Российскую империю как регион перманентно и генетически неустойчивой государственности (а можно сказать, что и эфемерной). Его целиком либо частично не раз завоевывали извне. Последний раз это сделал знаменитый правитель Ирана Надир-шах в 1739 году, но дальновидные стратеги России в условиях колониальной экспансии Англии понимали, что «последний раз» еще не означает «в последний

⁸¹ Бицилли П. М. Восток и Запад в истории Старого Света // Россия между Европой и Азией. М., 1993. С. 31; Снесарев А. Е. «Сердце Азии» Крайняя и Россия (рец.) // Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом. Вып. 20. Ташкент, 1900. С. 50–51.

раз». Так или иначе, но с конца XVI века стабилизирующей централизации в Средней Азии (не говоря уже о Казахстане) не наблюдалось вовсе. Что еще хуже, возможности ее конструктивного объединения изнутри были практически исчерпаны и утрачены. Вставал, таким образом, вопрос: кто объединит, умиротворит и посылит обустроит регион извне? Наиболее естественным путем сюда продвигалась Россия – геополитическая преемница Чингисидов, Тимуридов и Белой Орды в лице своего Белого царя и Белого генерала (генералов). Насколько, однако, квалифицированно и умело проводила Российская империя этот процесс, осуществляла свою историческую миссию?

Ответ на этот вопрос применительно к разным периодам, этапам и эпохам будет различным. До XVIII века процесс продвижения в Азию был достаточно поступателен и размерен. Но затем на стабилизацию Казахстана методом проб и ошибок ушло 140 лет. Известный востоковед прошлого века, историк Средней Азии В. В. Григорьев отмечает, что еще при Петре I российская государственность обладала добротным знанием Востока и умела внушить к себе уважение как моральным авторитетом, так и силой. Конкретные планы и распоряжения Петра I свидетельствуют, что он отнюдь не стремился к завоеваниям в регионе, а лишь к выгодным контактам и посылитому политическому влиянию. Но затем российская политика в центре Азии попала в ловушку наивных в сущности представлений о номинальном (мнимом) данничестве и подданстве кочевников и ханов оазисных государств. Ряд мер общения с казахами и представлений о том, как им помочь улучшить свою жизнь, отличался утопизмом в стиле Руссо и мог вызвать только насмешку объектов подобных благодеяний (В. В. Григорьев пишет о синтезе «идиллического европеизма с непроходимым бюрократизмом»)⁸². Долгое время в региональной политике не было и единой системы: в одном только Оренбурге каждый новый губернатор начинал как бы с нуля. Слишком долгое время западники – поверхностные эпигоны Петра I – продолжали ломиться в открытое Петром I окно Европы, забывая при этом о важности азиатских опор державы (их важность была заметна со стороны; *вассалитет Хивы по отношению к России признавал Надир-шаха, но... не правительство Анны Иоанновны*). В этом отношении абсурдно было стремление ближе к концу XVIII века не вмешиваться в распри наших заграничных подданных⁸³; при всей нежелательности грубого вмешательства полное самоустранение из естественной сферы геополитического влияния явно недопустимо.

В. В. Григорьев достаточно резко характеризует падение качества восточной политики России в XVIII веке и его причины: «Устремясь без разбора усваивать всякую западную европейщину, в скором времени совсем забыли все то, что знали прежде; в том числе утратили всякое знание и понимание Азии, которой владела Московская Русь»⁸⁴. Наконец, после наполеоновских войн, в эпоху Священного союза, *внешняя политика России слишком часто сводилась к дипломатии (что в принципе недопустимо) и (что еще хуже) к дипломатии консенсуса любой ценой*. Даже после Крымской войны, означавшей крах данного консенсуса, центральная власть (в лице то Горчакова, то военного министра Милютина) требовала не тревожить англичан и не беспокоить китайцев (хотя взаимности с их стороны тут, как правило, не наблюдалось).

В данном плане *принципиально важен ответ на вопрос, стихийным или все же планомерным было исторически длительное продвижение России в Сердце Земли, а также насколько мирным или насильственным было это продвижение в разное время*. На первый вопрос отечественные авторы в большинстве отвечали, что не только планомерности, но даже целесообразности тут никакой не было. Напротив, иностранные авторы видели в движении России вглубь Азии многовековую, планомерную и стратегически изощренную интригу –

⁸² Григорьев В. В. Русская политика в отношении Средней Азии. СПб., 1874. С. 18.

⁸³ Григорьев В. В. Русская политика в отношении Средней Азии. СПб., 1906. Т. 1. С. 81.

⁸⁴ Григорьев В. В. Там же. С. 13.

подкоп под западные свободы и самобытность народов Востока (такого взгляда придерживались, в частности, австро-венгр А. Вамбери и англичанин Роулинсон).

На второй вопрос те и другие группы авторов отвечали не менее противоречиво. Одни настаивали на жестокости завоеваний, другие – на противоположных версиях либо сугубо мирно-добровольного присоединения к России, либо коварного вероломства геополитической интриги. Примечательно, что последовательный недоброжелатель России А. Вамбери настаивает на версии геополитического коварства, а не насилия (само по себе признание ценное, а потому важно уяснить, что недосказано Вамбери).

Ответ на поставленные вопросы, рассмотренные нами выше, как можно убедиться, авторы дают более или менее объективный: планомерность присутствовала (но не всегда), целесообразность была неизменна (но не всегда учитывалась), насилие не было самоцельным (но не всегда было оптимальным), геополитической интриге недоставало искусственности. В данном отношении исключительно важны оценки и ответы, содержащиеся в работах генерала А. Е. Снесарева.

Генерал Снесарев в данном плане был достаточно суров в своих оценках эффективности и качества именно государственной геополитики России Нового времени (которую хорошо знал, в которой сам активно и неравнодушно участвовал не на последних ролях). Россия продвигалась в Сибири и Средней Азии недостаточно быстро и организованно, а на юго-восточном направлении зачастую не выдерживала соперничества с более искусственной Англией. Причины этого явления генерал Снесарев усматривает, во-первых, в низкой инициативе и геополитической компетентности центральной государственной власти России, в то время как в Англии обычно было наоборот. Во-вторых, напоминает генерал Снесарев, российскую геополитику не только активно проводили на местах, но и планировали, обосновывали, обеспечивали почти исключительно местные кадры. Как при Иване Грозном (в меньшей степени) и первых Романовых до Петра I (в гораздо большей) всю инициативу и ответственность брали на себя предприимчивые казачьи атаманы, так и в XIX веке знаменитые туркестанские генералы оставались, по сути, теми же атаманами; центральная власть лишь милостиво присваивала себе их достижения.

Но стоило только столичным инстанциям активно вмешаться в геополитику на Востоке, как дело шло хуже. Уже в середине 1860-х гг. (когда необходимость активизации политики в Средней Азии назрела и даже перезрела) МИД и военное министерство передавали в Туркестан высочайшие распоряжения типа полученного генералом Романовским: «Неуклонно стараясь не распространять наше непосредственное влияние в Средней Азии, в то же время не отказываясь, однако, ради сего от таких действий и распоряжений, которые были бы для нас необходимы. Вообще же иметь, прежде всего, в виду истинную пользу России»⁸⁵. В инструкции бросается в глаза прежде всего нежелание Петербурга брать на себя излишнюю ответственность и поощрять таковую у своих подчиненных на местах.

Естественно, такая геополитика оставалась локально-разобщенной; почти до самого конца не была обеспечена должная координация действий власти и военного командования на Урале и в Южной Сибири, продвижение вглубь континента шло порознь, политика на двух направлениях могла существенно различаться. Даже после присоединения региона к империи управление им оставалось разобщенным и осуществлялось из Ташкента и Тифлиса (тяготеющего к западу и Черному морю, а не к востоку и Каспию). Дело доходило до курьезов на грани абсурда: одиозный хивинский хан, видя принципиальность и непреклонность генерала Кауфмана, пытался на него жаловаться сразу в две «альтернативные» инстанции – в Оренбург и Тифлис; большего безобразия представить было трудно, но и случайным его признать тоже нельзя.

⁸⁵ Костенко Л. Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1871. С. 156–157.

«У местных деятелей, – со знанием дела и учетом своего собственного опыта указывает А. Е. Снесарев, – были, несомненно, известные планы, та или иная приспособляемость к обстановке, но этих данных оказалось недостаточно, когда нужно было опираться на более широкую осведомленность и более строгий и обстоятельнее задуманный план»⁸⁶. Ответственность за координацию их деятельности и ответственность за ее глобальное обеспечение должна была возлагаться на правительство. Но оно-то при почти всех Романовых от этого устранилось. Данный вывод Снесарева – офицера центрального аппарата Генштаба (в то время подполковника) – не просто по форме смел, но и по сути беспощаден. Не секрет, что несколькими годами ранее ему – тогда капитану и «начальнику Памира» – пришлось на свой страх и риск проводить глобальную геополитическую операцию с целью сохранить Памир и стабильность России, ее международные позиции. Снесареву удалось компенсировать все указанные выше недостатки и своих коллег, и высшей государственной власти империи. Но его пример относится скорее к исключениям, чем к правилам.

С другой стороны, напоминает А. Е. Снесарев, преимущества Англии как главного геополитического противника России объяснимы не столько ее большим ресурсным и техническим богатством (всяким богатством еще надо уметь умно распорядиться), а ее опорой на принципы максимальной осведомленности, гибкости и разнообразия приемов геополитической деятельности. Иными словами, *преимущества англичан скорее интеллектуальные, чем материальные*. Данный вывод А. Е. Снесарева ни тогда, ни позднее (да и теперь) по достоинству и в полной мере не оценен. Это тем более досадно, что именно А. Е. Снесарев еще капитаном сумел переиграть англичан, всерьез посеять в них сомнение как в безопасности Индии, так и всей Британской империи. Мало того: удалось показать англичанам (они открыто это признали), что против России и локальную, и мировую войну они фатально проигрывают.

Как видно из работ А. Е. Снесарева, он вполне солидарен со своим гражданским коллегой-востоковедом В. В. Григорьевым в одном важном выводе: ***структура геополитического мышления англичан логична и более чем упорядочена; эта логичность и упорядоченность далеко не случайны***. Вот как определяет качество геополитического, то есть высшего стратегического мышления средневековых русских вождей В. В. Григорьев: «Они успели обратить в свою пользу, что было действительно умного в ордынской правительственной мудрости... Цари и советники их знали в то время, чего хотели, к чему должны были стремиться, что было возможно, что не было в их силах и какими средствами и способами это возможное могло быть наилучшим образом достигнуто»⁸⁷. Но не секрет, что еще во времена Петра I знаменитый британский политик-философ лорд Болингброк, учитель Вольтера (он хорошо нам знаком как герой пьесы «Стакан воды», а А.Е. Снесареву – как незаурядный коллега-геополитик державы противника), формулирует эту мысль почти так же: ***«Слава нации состоит в том, чтобы соразмерить цели, которых она добивается, с ее интересами и ее силами, средства с целями, а энергию – с ними обеими»***⁸⁸.

Формулируя свои принципы теории высшей стратегии, А. Е. Снесарев доказывает: эти определения означают «основной духовный капитал» войны, политики, государства, главное и определяющее качество цивилизации (здесь он на полвека впереди А. Тойнби) – ее духовный коэффициент «пси» как сумму аксиологических ресурсов целей-и-ценностей, гносеологической энергии понятий, праксеологических «приемов» деятельности (технологий)⁸⁹ – этим определением так называемой пассионарности А. Е. Снесарев на полвека опережает Гумилева. Но, уточняет генерал Снесарев, такой «здоровый дух» может находиться лишь в здоро-

⁸⁶ Снесарев А. Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906. С. 21.

⁸⁷ Григорьев В. В. Русская политика в отношении Средней Азии. СПб., 1874. С. 2.

⁸⁸ Барг М. А., Авдеева К. Д. От Макиавелли до Юма: становление историзма. М., 1998. С. 227.

⁸⁹ Снесарев А. Е. Выводы из мировой войны // Военная мысль и революция. 1924. № 2. С. 282; Снесарев А. Е. Единая военная доктрина // Военное дело. 1920. № 8. С. 227.

вом государственном и общественном «теле» – четко и разумно организованной и функционирующей системе. Только в ней может пребывать и действовать полноценный «тамерланов мозг»⁹⁰ – Генеральный штаб (а в России данный орган образовался лишь в 1905 году; А. Е. Снесарев был одним из первых его офицеров).

Оценивая успехи и промахи политики России в центре Азии, располагая «тамерлановым мозгом» если и не всегда организационно, то всегда – методологически, не дублируя своих коллег и не вдаваясь в подробности, как и когда Россия успела утратить многие из исторически приобретенных навыков стратегической мудрости, он тем не менее указывает на типологию ошибок и недостатков отечественной геополитики, пути и способы их скорейшего преодоления. Он напоминает, что в Средней Азии вследствие недолжного уровня подготовленности, бюрократизма и утраты исторической инициативы Россия оказалась к началу XX века в далеко не выгодной позиции: ее границы на Амударье как бы повисли в воздухе без должной опоры (рубеж, навязанный англичанами, никогда естественно-историческим не был, он рассекает Западный Туркестан наподобие индо-афганской линии Дюранда). Граница русского Памира прошла всего в переходе от Индии, – но и она весьма уязвима. Наконец, согласие Петербурга на так называемый нейтралитет Афганистана под полным контролем Англии и с изоляцией его от России А. Е. Снесарев считает непростительным и недопустимым⁹¹, чреватом немалыми для России осложнениями и угрозами.

Подводя итог, необходимо отметить следующее. *Продвижение России сперва в Сибирь, а затем в центр Азии носит естественно-исторический характер и происходит от изначального (еще домонгольского) симбиоза Руси с кочевниками Дикого поля.* Корни и закономерности многовекового формирования континентальной Российской империи вполне прослеживаются, во-первых, в процессе собирания Руси вокруг Москвы и борьбы с ордынским игом; во-вторых, в процессе поглощения реликтов Золотой Орды посредством института «касимовского» двоецарствия; в-третьих, в процессе собирания Сердца Земли по следам Тамерлана (зачастую, однако, не «тамерлановым мозгом», а будто его же «хромою стопой»).

Нейтрализуя остатки Золотой Орды и постепенно подчиняя своему влиянию (затем контролю) Казахстан и Среднюю Азию, Россия выступила физическим и духовным преемником не этой Орды, а – уровнем выше – Белой Орды Джучидов. Именно по данной причине с начала XVI века русский царь на Востоке именовался Белым царем (а в XIX веке его генералы – Белыми генералами, скорее всего по той же причине). Присоединение Казахстана и Средней Азии к России явилось так или иначе источником порядка и справедливости, идеал которых связан в регионе с памятью о «просвещенном деспотизме» Тимура и Тимуридов. Впервые за многие столетия было покончено с массовым разбоем, работоторговлей, разгулом крупных и мелких тиранов (с борьбы с ними начал свой путь Тимур). Высшее оправдание империи – в защите слабых от произвола сильнейших.

Итак, окончательным присоединением Казахстана и Средней Азии к Российской империи в течение 60–80-х гг. позапрошлого века завершились более чем три столетия хаоса в регионе – Сердце Земли. Исход процесса можно признать взаимовыгодным для России и народов региона. Россия, распространившись в XVII веке до Тихого океана, не могла считать себя стабильной и безопасной в своем центре (как в старом Волго-Окском, так и в новом Урало-Сибирском), последствия монголо-татарского ига не могли считаться вполне преодоленными, а его рецидивы – исключенными. Народы же региона обрели максимум спокойствия и безопасности при сохранении своих традиций и уклада жизни (с устранением таких «традиций», как работоторговля, баранта, кровная месть, сверхдеспотизм элит). Безопасность распространялась

⁹⁰ Снесарев А. Е. Поход Тамерлана против Тохтамыша // Военное дело. 1920. № 12. С. 281.

⁹¹ Снесарев А. Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906. С. 22–23.

на всех. Если при Александре I было опасно выехать за черту Самары или Саратова, то в конце века будущая жена А. Е. Снесарева могла совершенно спокойно доехать в почтовом экипаже от родительского дома в Оше до гимназии в Оренбурге.

Государства Средней Азии в целом сохранились, и весь бассейн Амударьи остался в их составе (упразднен был поздно возникший и целиком обанкротившийся Коканд). В целом народы региона ощутили возможность более энергичного развития вне зон жесткой колониальной модернизации западного типа. ***К началу XX века Российская империя обрела новое двуединство: славяно-тюркское и православно-исламское; она в почти равной мере стала Русью и Туркестаном; в Петербурге Исаакиевский собор и мечеть сопоставимы не только своими размерами, но и своим значением.***

Несмотря на все имевшие место сложности и противоречия, полузабытое, недооцененное и недоиспользованное «касимовское» начало самым ходом истории, ее естественной логикой было поставлено во главу угла строительства Российской империи. Допетровское «двоецарствие» преобразовалось в культурную и даже политическую автономию народов и государств Туркестана в составе империи. В этой связи эти народы в целом спокойно и с пониманием собственной выгоды относились к пребыванию российского генерал-губернатора в Ташкенте – ключевом политическом и экономическом пункте края, а также российской администрации в Самарканде – столице государства Тимура и священном городе мусульман Средней Азии. Власть Российской империи в Казахстане и Средней Азии была в достаточной мере исторически обусловлена и в не меньшей степени субъективно легитимирована в глазах новых подданных Белого царя – правопреемника Чингисидов, Тимуридов и Шейбанидов.

Геополитическая экспансия России на Кавказе в XVI–XX веках

На протяжении практически всей своей истории Кавказ был объективно вовлечен в процессы геополитической, и прежде всего военно-политической, экспансии. Овладеть Кавказом, доминировать в регионе пытались буквально все сопредельные ему государственные и аналогичные им политические образования, ставившие перед собой цель расширения границ своего господства и обеспечения контроля над важнейшими транспортными и торгово-экономическими магистралями, центром сосредоточения которых выступал Кавказский перешеек. Здесь проходили традиционные торговые пути из Европы в Персию и Индию, а также известный Шелковый путь, соединяющий Европу с Китаем. Таким образом, контроль над Кавказом и политическое господство в регионе предполагали большие материальные выгоды. Все это закономерно обуславливало притязания на Кавказский перешеек различных экономических и военно-политических центров силы.

Среди наиболее ранних попыток военно-политической экспансии в регион следует выделить военные походы на Кавказ персидских завоевателей из династии Ахеменидов (V–IV вв. до н. э.). Доминировавшее во II–I вв. до н. э. в Причерноморье, в том числе и на Черноморском побережье Кавказа, Понтийское царство времен Митридата IV после своего поражения уступило регион Римской империи. В I в. н. э. значительная часть Кавказа оказалась под властью сарматов, в IV в. – гуннов. В VII веке начинается экспансия в регион арабских халифатов. Последующая история региона непосредственно связана с господством на Северном Кавказе Хазарского и Половецкого каганатов, а с началом монголо-татарского нашествия – тюркских завоевателей от Чингисидов (начало XIII в.) до Тимура (конец XV в.). На протяжении последующих XVI–XVIII вв. Кавказский перешеек стал ареной противоборства между Персидской и Османской империями. И наконец, со второй половины XVIII в. началась полномасштабная военно-политическая, экономическая и цивилизационная экспансия в регион Российского государства, поставившего перед собой цель обезопасить свои южные рубежи, прорвать военно-политическую и торгово-экономическую блокаду на данном направлении, а также реализовать продекларированные в концепции «Москва – Третий Рим» мессианские установки – способствовать освобождению единоверных народов Кавказа от религиозного гнета и физического уничтожения.

Реализации комплекса этих целей и была посвящена кавказская политика России, цели и задачи ее экспансии в регион. В то же время принципиально важной характеристикой кавказской экспансии России, ее импульсом и побудительным мотивом являлось решение задач исключительно военно-оборонительного характера.

Кавказ на протяжении длительного времени являл собой один из наиболее уязвимых для безопасности России регионов.

Практически на протяжении XVI–XVII вв. южные и юго-восточные рубежи Русского государства представляли собой обширные степные пространства, по которым постоянно передвигались многочисленные кочевые народы, несшие смерть и разрушение русским городам и селениям. Логика борьбы заставляла Россию стремиться к установлению стабильных границ, которые можно было бы защищать. Но вплоть до Кавказских гор, Черного и Каспийского морей на юге таких границ не было⁹². Именно в этом заключался изначальный смысл всей кавказской политики России. Сложная военно-политическая обстановка на Кавказе, его постоянная вовлеченность в войны и конфликты, наличие в регионе агрессивных, враждебных

---

⁹² Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции / Отв. ред. В. Н. Ратушняк. Краснодар, 1995. С. 22.

России государственных военно-мобильных формирований требовали обеспечения военной безопасности страны на данном направлении. Достаточно вспомнить, например, что освободившееся из-под ига Золотой Орды в 1480 году молодое Московское государство тем не менее не было освобождено от постоянной военной опасности, исходившей от преемников распавшейся Орды – Казанского, Астраханского, Крымского ханств и непосредственно на кавказском направлении – Ногайской Орды. Но если на западе и востоке русские земли были ограждены от набегов лесными массивами, то *«степные пространства на юге России во многом способствовали регулярным набегам кочевников»*⁹³. Незащищенные естественными преградами южные границы, соседство с мобильными военно-феодальными образованиями создавали постоянную военную опасность для Русского государства. Причем опасность со стороны данных формирований угрожала не только приграничным районам, но и жизненно важным центрам страны, включая и столицу Московского царства. Наиболее опасным в этом плане для Русского государства являлось черноморско-кавказское направление, которое в данный период представляло собой сеть опорных пунктов Турции, превратившихся уже во второй половине XVI века в небольшие крепости: Сухум, Гагры, Темрюк и др. На данной территории турками при непосредственном участии крымских татар и ряда кавказских общин была фактически реанимирована работорговля, причем основную массу продаваемых в рабство людей составляли жители степных районов России, Украины, Польши, а также представители христианского населения Армении и Грузии. Уже начиная с XVI века «турки и крымский хан ежегодно вывозили с Кавказского побережья более 12 тыс. рабов»⁹⁴. Данные, очевидно, более чем впечатляющие и значительные, учитывая внезапный расцвет в этот период и Турции, и Крымского ханства, базировавшихся исключительно на невольничьем труде.

Таким образом, становление и развитие самого Российского государства объективно предполагало обеспечение военной безопасности и, соответственно, активизацию военно-политических усилий на кавказском направлении, являвшемся одним из наиболее опасных и незащищенных. Данное обстоятельство сыграло главную и решающую роль в развитии внешнеполитической экспансии России на Кавказ, начавшейся фактически с момента образования централизованного Российского государства, то есть с конца XV – начала XVI века. Этот период экспансии характеризуется в основном процессом поиска военно-политических контактов России с государственными образованиями региона.

К периоду правления Ивана Грозного, который первым из государственных деятелей в российской истории осознал значение Кавказа в обеспечении военной безопасности молодого Московского царства, следует отнести и непосредственно истоки российской экспансии в регионе. Историческое значение в этом плане имел брак Ивана Грозного с дочерью кабардинского князя Темрюка в 1561 году, который по праву можно считать важнейшей политической акцией русского царя, направленной на укрепление позиций России в регионе. Результатом этого стало принятие Кабарды (наиболее развитого в регионе в государственном и военно-политическом отношении образования) под покровительство России. Породнившись с влиятельным кабардинским родом Темрюковичей, московский царь в лице кабардинских князей и самой Кабарды приобрел стратегического союзника в борьбе не только с кавказскими военно-феодальными образованиями, но и с доминировавшими в тот период в регионе Турцией и Персией. Получив таким образом своеобразную опору в лице Кабарды на Центральном Кавказе, Русское государство фактически заявило о своей позиции в кавказских вопросах и о стремлении преодолеть военно-политическую блокаду, искусственно созданную на данном направлении региональными державами, и прежде всего Турцией. В последующем же, по свидетельству

⁹³ Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции / Отв. ред. В. Н. Ратушняк. Краснодар, 1995. С. 22.

⁹⁴ Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX веках. М., 1958. С. 21.

автора исследования «Кавказская война» генерала русской армии В. Потто, практически все российские государи стремились к утверждению своей власти на Кавказе. *«Мысль о господстве на Кавказе становится наследственной в русской истории»⁹⁵.*

Во многом этому также способствовал начавшийся стихийно процесс формирования на юге страны казачества, историческое предназначение которого состояло не только в антифеодальном протесте внутри России, но и в необходимости оградить «русскую землю» от бесконечных набегов кочевников. Прежде всего это относится к старейшему в истории страны донскому казачеству, которое на протяжении столетий прикрывало южную степную зону России на пространстве от Дона до Волги. Впоследствии донское казачество, возникшее стихийно, стало важнейшим инструментом государственной политики России, в том числе и на кавказском направлении. Столь же стихийно и естественно возникло казачество и на самом Кавказе, на берегах Терека. Его основное предназначение заключалось уже непосредственно в предупреждении, а по возможности и в обеспечении военной безопасности приграничных районов за пределами собственно России⁹⁶. В силу отсутствия у государства сил и средств, необходимых для обеспечения охраны и обороны южных рубежей, Московское царство всемерно поддерживало деятельность казачества на кавказском направлении. В этом плане показательна, например, поддержка Иваном Грозным гребенских казаков, заложивших в устье реки Сунжи Терский городок. В течение продолжительного времени данный городок исполнял роль передового военно-оборонительного рубежа России, задача которого заключалась в контроле над развитием военно-политических процессов в регионе и предупреждении внезапных нападений

⁹⁵ Потто В. А. Кавказская война: в 5 т. Ставрополь: «Кавказский край», 1994. Т. 1. С 14.

⁹⁶ Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Новочеркасск, 1902; Гнеденко А. М., Гнеденко В. М. За други своя, или Все о казачестве. М., 1993; Потто В. А. Два века терского казачества (1571-1801): Репринт. воспроизв. издание 1912 г. Ставрополь, 1991; Родонная С. Э. Борьба донского казачества с турецко-татарской агрессией в первой половине XVII века и его взаимоотношения с Грузией. Автореф. дис. Тбилиси, 1955.

на Русскую землю. Значение Терского городка подтверждается также и тем, что его существование на территории, фактически подвластной Турции, в 1571 году едва не стало причиной русско-турецкой войны. Турция имела свои виды на Кавказ и непосредственно на Кабарду, считала ее подвластной себе и поэтому не могла принять протекторат над ней России. Лишь прямая угроза объявления войны со стороны Порты заставила русское правительство разрушить казачий Терский городок. Но уже в 1578 году он вновь был восстановлен и продолжал в дальнейшем выполнять функции сторожевой заставы России. В этой акции московского правительства отразилось стремление отражать агрессию Турции и подвластных ей государственных образований в регионе уже за пределами Русской земли.

Другое направление политики России на Кавказе предполагало установление и развитие связей с народами и государственными образованиями региона. Во взаимоотношениях с самими кавказскими владетелями царское правительство с самого начала занимало достаточно сдержанную позицию, проявлявшуюся в стремлении к установлению и обеспечению развития взаимоотношений с ними. Показательно в этом плане установление особых дипломатических отношений с монархом наиболее крупного и ведущего грузинского царства – Кахетии (в российских документах того времени – Иверская земля) Александром II, подписавшим прошение о переходе своего царства в полное подданство московского царя. Причем инициатива подданства России исходила от самого царя Александра, пытавшегося использовать Московское царство для освобождения Кахетии от персидского гнета и недопущения ее аннексии Османской империей. Направленная для реализации этой цели военная экспедиция России под командованием воеводы А. Хворостина⁹⁷ между тем не достигла намеченных целей, потерпев поражение от объединенных войск горцев Северного Кавказа. Было очевидно: Московское государство в конце XVI века еще не могло оказывать вооруженный протекторат таким отдаленным государственным образованиям, как Кахетия. Тем не менее данной военно-политической акцией Россия обозначила свою позицию и интересы на Кавказе, а в полном титуле царя Федора Иоанновича уже значился титул «государь земли Иверской, грузинских царей и Кабардинской земли, черкесских и горских князей»⁹⁸.

Борис Годунов, несмотря на сложную внутриполитическую обстановку в стране, продолжил политику, направленную на развитие отношений и оказание помощи отдельным грузинским государствам, в том числе и Кахетии. В 1604 году им была вновь направлена военная экспедиция в Тарки во главе с воеводами И. М. Бутурлиным и В. Т. Плещеевым. При этом ее цели были аналогичными предыдущей военной кампании – завоевание Тарковского шамхалата. Отряду, возглавляемому И. М. Бутурлиным, пришлось в Дагестане столкнуться уже непосредственно с турецкими войсками, с помощью которых он был полностью уничтожен горцами. Характерно, что причиной поражения второй экспедиции на Кавказ явилась, так же как и ранее, неоказанная своевременно вооруженная помощь со стороны кахетинского царя. Для правителей региона, находившихся между двух огней в лице Турции и Персии, уже тогда характерна была практика решать вопросы посредством использования внешней военной силы, и эта роль предназначалась России. Дальнейшие события в Кахетии (убийство царя Александра, переориентация захватившего престол его сына Константина на Персию) временно ослабили российско-кахетинские и в целом российско-кавказские политические отношения. Проблемы последующего развития России, связанные с преодолением последствий Смуты, сделали их еще более слабыми, но тем не менее не остановили ее военно-политическую экспансию на Кавказ. В целом отличительной чертой русско-кавказских политических отношений в данный период являлась их фрагментарность и эпизодичность, а также то, что они, как правило, стро-

⁹⁷ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел С. А. Белокуровым. Вып. 1, 1517-1613. М., 1889. С. XVIII.

⁹⁸ Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т. 7–8. / Отв. ред.: И. Д. Коваленко, С. С. Дмитриев. М.: Мысль, 1989. С. 269; ЦГАДА, ф. Сношения России с Грузией, 1596-1597 гг. № 1. Л. 1-110.

ились не под эгидой государства, а на региональном или приграничном уровне. Основной акцент во внешнеполитической деятельности России на кавказском направлении делался на противодействие военно-политической экспансии Турции посредством установления и развития торгово-экономических и военно-политических отношений с народами и государственными образованиями региона, а также установления военно-политического «союза» с Персией, для которой господство в регионе Османской империи было столь же опасно, что и для России. Цели Турции, например, заключались в установлении своего протектората над всем Закавказьем и Дагестаном, находящимися в вассальной зависимости Персии, а также переходе под ее контроль транзита шелка и других товаров из Персии и Индии в Европу. К России выдвигались требования восстановить Астраханское ханство и не вмешиваться в кавказские дела. Поэтому российско-персидский альянс был взаимовыгоден. О его значении, например, говорит тот факт, что еще в 1586 году шахом Ирана Годабендом после очередного поражения Персии московскому царю были обещаны города Баку и Дербент (в обмен на военную помощь), а его сын шах Аббас Великий был готов уступить России также и Кахетию⁹⁹ с тем, чтобы они не достались Турции.

Таким образом, основные цели экспансии Российского государства на Кавказ в XVI–XVII вв. определялись его потребностью обеспечения военной безопасности, что представляло собой задачу стратегического характера. Не менее важной была также потребность России в прорыве блокады на кавказском направлении. Эта цель реализовывалась посредством установления дипломатических и иных контактов с рядом кавказских государственных образований и развития торгово-экономического союза с Персией, с тем чтобы уравновесить военно-политическую мощь Османской империи в регионе. Все вышеперечисленные акции русского правительства на Кавказе знаменовали собой лишь поиск подходов к решению основного вопроса – полноценному утверждению в регионе России. В силу же отсутствия достаточных сил и средств, собственной уязвимости на данном направлении они носили непоследовательный и эпизодический характер.

Новый импульс военная политика России на Кавказе приобрела лишь в период правления Петра I. Во время его царствования вновь восстанавливаются политические отношения с Кабардой.

---

⁹⁹ *Полиектов М. А.* Материалы по грузино-русским отношениям. Изд-во Тбилисского государственного университета, 1937. С. 21.

ПЕТР I

(30.05 (09.06) 1672 г. – 08.02.1725 г.) – царь и полководец

Был самым великим правителем из династии Романовых

Петр I отличался необыкновенной физической силой, незаурядными умственными способностями, железной волей и неиссякаемой энергией. Его по праву называют преобразователем России. Он укрепил систему государственного управления, создал российскую армию и флот. В годы правления Петра Россия стала европейской державой, была провозглашена империей

В частности, в 1711 году Петром I в грамоте кабардинским князьям документально подтверждается покровительство со стороны России¹⁰⁰. Позднее протекторат России распространяется и на Осетию. Устанавливаются также политические отношения петербургского двора с рядом северокавказских правителей. Таким образом, экспансия Российского государства на Кавказ, беря начало в его центральной части, постепенно распространялась на периферию, к побережьям Каспийского и Черного морей. Перспективное направление военной политики России в данном случае приобретал Дагестан, по каспийскому побережью которого проходил так называемый Малый шелковый путь – важнейшая торговая магистраль, соединяющая индийские и персидские торговые центры с европейскими. Еще в 1667 году был подписан первый торговый договор между русским правительством и представителями джувинской торговой компании¹⁰¹, закреплявший торгово-экономические отношения между Россией и Персией. В 1673 году этот договор был вновь подтвержден, а в 1717 году русский посланник в Персии А. П. Волынский заключил русско-персидский договор, согласно которому русские купцы получили право свободной торговли на территории Персии. И хотя данные акты не

---

¹⁰⁰ ЦГАДА. Ф. 115. Кабардинские дела. 1719. № 1. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв.: в 2 т. М., 1957.

¹⁰¹ Кунакова Н. П. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII – начале XVIII в. // Исторические записки / Отв. ред. А. Л. Сидоров. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 57. С 232.

давали основания перевести отношения между Россией и Персией в плоскость союзнических отношений, тем не менее можно утверждать, что торгово-экономический альянс России с Ираном сыграл свою позитивную роль для последующего утверждения ее позиций в регионе.

В конечном итоге венцом всей кавказской политики России в данный период стал знаменитый каспийский (персидский) поход Петра I, результатом которого явились значительные территориальные приобретения России в Прикаспии. Характерно при этом то, что Россия не воевала с самой Персией, а ввела свои войска лишь на территории, уступленные ей персидским правительством в 1723 году по договору, заключенному с шахом Тахмаспом. К России, таким образом, отошли «в вечное владение Дагестан, Ширван, Мазендаран, Гилян и Астрабад»¹⁰², то есть практически все западное и южное побережья Каспия. Возникший же на этой почве конфликт между Россией и Турцией, также претендовавшей на каспийское побережье, был урегулирован только в 1724 году, когда в силу заключенного между этими государствами договора Турция лишалась права иметь владения на побережье Каспийского моря и оба государства не должны были посягать на независимость Ирана. По итогам похода, таким образом, была достигнута вторая по значимости цель государственной политики Петра I – «прорублено окно в Азию», то есть ликвидирована ее блокада на южном направлении. Не менее значимым было также и то, что под контроль России попадали и торговые потоки Шелкового пути. В целом же программа Петра I в отношении Кавказа была более значительной и предусматривала «распространение влияния России в направлениях: от Азова до Кубани, от Астрахани к центральным «шелковым торгам» Ирана и от Пятигорска до Тифлиса – центра Грузии»¹⁰³. Но реализация данной программы в силу целого ряда причин, и прежде всего последующих внутривосточных кризисов в стране, стала невозможной.

Политика преемников Петра I в период «междоусобицы» знаменовала собой откат в кавказской политике России и, соответственно, потерю завоеванных ранее позиций в регионе. Персии по условиям Рештского договора (1733)¹⁰⁴ были уступлены все провинции, завоеванные в каспийском походе, а русские войска были выведены за пределы Дагестана. Фактическая денонсация ранее подписанных Персидского (1723) и Константинопольского (1724) договоров ослабили позиции России на Кавказе и к тому же обострили ее отношения с Турцией. В результате этого обострения в 1735 году Турцией была объявлена России война, в ходе которой основные боевые действия хотя и велись на балканском направлении, но непосредственной причиной самой войны был в значительной степени Кавказ, а точнее – Кабарда. Выбор же балканского направления ведения боевых действий главнокомандующим русской армией графом Минихом был традиционен и крайне ошибочен. У Турции на балканском направлении были сосредоточены наиболее мобильные и боеспособные войска, значительно превосходившие по своим качествам ее войска на кавказском направлении. К тому же из-за близости Крыма подвоз провианта и снаряжения для русской армии был практически невозможен. Армия под командованием Миниха, отрезанная от своих тыловых коммуникаций, не потерпев поражений, была фактически уничтожена вследствие болезней и голода. Кампания, таким образом, оказалась крайне неудачной для России, что и было отражено в ее итогах – в Белградском (1739) договоре, который впервые в истории русско-турецких отношений затрагивал спорный между Россией и Турцией вопрос о судьбе Кабарды. *В статье 6 этого договора сказано, что «Большой и Малой Кабарде и кабардинскому народу быть вольными и не находиться под владением ни той, ни другой империй, а служить как бы барьером между ними»*¹⁰⁵. Между тем это не соответствовало интересам ни России, ни самой Кабарды. Более того, в зна-

¹⁰² Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX веках. М., 1958. С. 68.

¹⁰³ Бушнев С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России. М., 1955. С. 59.

¹⁰⁴ Юзевич Т. Договоры России с Востоком: политические и торговые. С. 189–193.

¹⁰⁵ Юзевич Т. Договоры России с Востоком: политические и торговые. С. 19.

чительной степени ослабляло позиции Российского государства в целом на Кавказе. Главный же итог поражения заключался в том, что вновь на длительное время была отложена реализация программы утверждения России в регионе.

Следующий период активизации российской политики на Кавказе связан с царствованием Екатерины II и реализацией ею и князем Г. А. Потемкиным, курировавшим восточную политику России, планов нанесения окончательного поражения Турции. Вследствие этого русским правительством предусматривалось использование региона уже непосредственно в военном отношении. Кавказ должен был стать, по планам Г. А. Потемкина, военно-политическим плацдармом России в ходе русско-турецкой войны (1768–1772) с последующим распространением боевых действий непосредственно на азиатскую территорию Турции. Сопредельные Кавказу турецкие провинции Восточной Анатолии были наиболее отсталыми в экономическом и политическом отношении, а в силу их удаленности от центра и труднодоступности власть султанского правительства в регионе была номинальной, самовластие же турецких феодалов, напротив, – безгранично. Все это в комплексе определяло кавказское направление для Турции наиболее уязвимым. Понимая это, а также возможность использования антитурецкого национально-освободительного движения на Кавказе, Екатерина II осенью 1769 года направила в Грузию против турок корпус под командованием графа Тотлебена, который, «двинувшись из Моздока, перешел Кавказские горы долинами Терека и Арагвы и расположился на зимних квартирах в Грузии»¹⁰⁶. В целях же предотвращения аналогичных акций со стороны Турции на Кавказ, в район Кубани, в том же году был отправлен отряд генерала Медема. Это были первые после каспийского похода Петра I крупные войсковые операции по перемещению группировок русских войск на Кавказе. И хотя от последующего наступления на Восточную Анатолию пришлось отказаться, тем не менее была достигнута важнейшая цель российской экспансии – создание в регионе операционной базы для вооруженной борьбы с доминирующими в регионе Турцией и Крымским ханством. Итогом военно-политической деятельности Российского государства в период правления Екатерины II стало закрепление позиций России на Черноморском побережье Крыма и Новороссии (северо-запад Кавказа), создание на Кавказе полноценной буферной зоны, предупреждавшей внезапные нападения на южные приграничные регионы самой России. Более того, сама Российская империя с этого момента могла оказывать влияние на безопасность любого государства в регионе, а также интересы в нем ведущих европейских государств.

---

¹⁰⁶ Соловьев С. М. Указ. соч. Т. 28. С. 282.

Екатерина II Великая (1729-1796) Императрица Всероссийская

34-летнее царствование Екатерины Великой оставило яркий след в истории России. Императрица утвердилась на берегах Черного моря, раздвинув границы на юг и включив в состав империи Крымский полуостров.

Никогда еще за всю историю Россия не достигала такого могущества и воздействия на международные отношения Канцлер императрицы писал, что ни одна пушка в Европе не выстрелит без позволения России.

Для более эффективного управления краем была проведена административная реформа в регионе, по которой в 1785 году было образовано Кавказское наместничество, включавшее в себя Кавказскую и Астраханскую области¹⁰⁷, первым наместником которого стал Г. А. Потемкин.

К сожалению, последующие акции Павла I вновь знаменовали собой откат в политике России практически по всем направлениям, в том числе и на кавказском. Связано это было не столько с переоценкой политики России в регионе ее новым руководством, сколько неприятием Павлом самой Екатерины II и всей ее политики. А поскольку кавказское направление было стержневым во внешнеполитическом курсе императрицы Екатерины в последние годы ее правления, один из первых указов Павла касался именно кавказской политики. По этому указу, в частности, Павлом был отменен персидский поход В. Зубова, целью которого, по планам Екатерины II, было окончательно решить в пользу России вопрос о статусе Закавказья и Дагестана, заставив персидских правителей отказаться от притязаний на них. В последующем императором Павлом I были также фактически денонсированы и все подписанные князем Потемкиным от имени Екатерины II договоры с феодальными владельцами и старшинами региона, в том числе и так называемый Георгиевский трактат, определявший не только вассальную зависимость Грузии, но и обретение Российской империей важнейшей стратегической операционной базы в Закавказье. Все это в значительной мере ослабило позиции России на Кавказе и в целом существенно осложнило обстановку в регионе.

---

¹⁰⁷ Княжнина Н. С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. // Вопросы истории. 1983. № 4. С 37; ПСЗ. Т. 22. № 16193.

Потемкин (Таврический) Григорий александрович

Государственный деятель, создатель Черноморского военного флота и его первый главноначальствующий, генерал-фельдмаршал, князь. Родился в селе Чижово Духовщинского уезда на Смоленщине в мелкопоместной семье отставного майора. Обучался в Смоленской семинарии, а затем в Московском университете. В 1757 г. в числе 12 лучших студентов был представлен императрице Елизавете. Записанный в гвардию еще в 1755 г., он вместе с другими офицерами участвовал в дворцовом перевороте, за что в 1762 г. Екатерина и присвоила ему звание подпоручика гвардии и придворный чин камер-юнкера.

Именно в этот период, на рубеже XVIII–XIX вв., военно-политическая обстановка на Кавказе характеризуется усилением активности в регионе ведущих европейских держав, интересы которых были сконцентрированы на сопредельных Кавказу Ближнем Востоке и Центральной Азии (являвшихся центром пересечения всех азиатско-европейских торговых магистралей). Значение Кавказа в рассматриваемый период объективно и закономерно возросло, поскольку он являл собой еще и территорию, свободную от господства какой-либо иной крупной державы, и непосредственно находился на стыке владений трех региональных держав – России (только начинавшей завоевывать позиции в регионе), а также Персии и Турции (все больше их здесь утрачивавших). С другой стороны, значение Кавказа для европейских держав определялось тем, что именно здесь, по побережью Каспийского моря, проходил Малый шелковый путь. В частности, например, для Великобритании с ее индийскими колониями и достаточно сильными позициями Ост-Индийской компании в Персии (монополизировавшей здесь

всю торговлю шелком) необходим был контроль над этой важнейшей торговой магистралью. Для Франции, не обладавшей в регионе ни колониями, ни сколько-нибудь значимыми экономическими и политическими позициями, принципиально важным было подорвать этот экономический потенциал Британии. Кроме того, геополитические замыслы руководства Франции определялись также ее стремлением к колониальным приобретениям, поскольку их наличие являлось необходимым условием становления ее в качестве мировой державы.

И наконец, третий фактор, определявший повышенное внимание европейских держав к Кавказу, носил субъективный характер. Наполеон Бонапарт, ставший к этому времени первым консулом Французской Республики, стремился во что бы то ни стало повторить поход Александра Македонского в Индию, с тем чтобы нанести сокрушительное поражение Англии непосредственно в ее важнейшей колонии. С этой целью он добивается не только мира, но и военного союза с Россией. Павел I поддержал Бонапарта в его экспансионистских устремлениях и практически немедленно по возвращении своего посланца в Петербург приступил к реализации собственного индийского похода, направив для завоевания Индии корпус под командованием казачьего генерала Платова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.